

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления

Кафедра «Социология, экономическая
теория и международные процессы»

Направление подготовки

38.04.01 «Экономика»

Магистерская программа

Международная экономика и бизнес

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему

**БРИКС как новый центр экономической силы: влияние на глобальную
экономику и внутренние рынки участников**

Магистрант

Фадеев
Григорий
Владиславович

подпись, дата

Руководитель

Скворцова В. А.

подпись, дата

Нормоконтролер

Влазнева С. А.

подпись, дата

Рецензент

Заведующий кафедрой «Экономика
и финансы» Пензенского филиала
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»

Барбашова С. А.

подпись, дата

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № _____)

Заведующий кафедрой

Рожкова Л. В.

подпись, дата

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК

Рассказова Н. В.

подпись, дата

Пенза 2026

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»
38.04.01 «Экономика»»
Направление подготовки 38.04.01 «Экономика»,
магистерская программа – Международная экономика и бизнес

«УТВЕРЖДАЮ»:
зав. кафедрой
д.с.н., профессор Рожкова Л. В.

«_____» _____ 20__ г.

ЗАДАНИЕ
НА МАГИСТЕРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ

магистранту Фадееву Г. В., группа 24ЭЭвм1, обучение очное

1 Тема магистерской диссертации: БРИКС как новый центр экономической силы: влияние на глобальную экономику и внутренние рынки участников

утверждена приказом по университету

от «___» _____ 20__ г. № _____

2 Срок сдачи магистрантом законченной магистерской диссертации: 5.06.2026.

3 Исходные данные к магистерской диссертации: нормативно-правовая база, научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: подходы к изучению экономических союзов и центров силы в глобальной экономике; эволюция БРИКС от аналитической концепции к институту многостороннего взаимодействия; место БРИКС в системе международной торговли и глобальных цепочек создания стоимости; финансовое измерение БРИКС, реформирование МВФ, Всемирного банка и ВТО, дедолларизацию и развитие альтернативной финансовой инфраструктуры; эффекты участия в БРИКС для структурной диверсификации национальных экономик стран-участниц; влияние инвестиционного сотрудничества и технологического обмена в рамках БРИКС на внутренние рынки государств объединения.

5 Перечень графического материала: таблицы, рисунки.

6 Дата выдачи задания: 8.10.2024.

Руководитель _____ / В.А. Скворцова /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению магистрант _____ / Г. В. Фадеев /
(подпись) (инициалы, фамилия)

График подготовки магистерской диссертации

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
Первый год обучения			
1	Обоснование выбора темы и методологии исследования, выбор предмета и объекта исследования	1.09.2024 – 31.10.2024	
2	Формирование научной концепции исследования	1.11.2024 – 18.12.2024	
3	Подбор основной литературы	19.12.2024 – 15.01.2025	
4	Развернутое обоснование актуальности, концепции, новизны исследования	16.01.2025 – 19.02.2025	
5	Формирование развернутого плана и макета диссертационного исследования	20.02.2025 – 12.03.2025	
6	Проработка новых источников литературы по теме диссертационного исследования	13.03.2025 – 26.03.2025	
7	Проведение теоретического исследования в рамках первой главы диссертации	27.03.2025 – 30.04.2025	
8	Подготовка первой главы диссертации	1.05.2025 – 30.06.2025	
Второй год обучения			
9	Проведение аналитического исследования в рамках второй главы диссертации	1.09.2025 – 22.10.2025	
10	Подготовка второй главы диссертации	23.10.2025 – 24.12.2025	
11	Проведение аналитического исследования в рамках третьей главы диссертации	25.12.2025 – 25.02.2026	
12	Подготовка третьей главы диссертации	26.02.2026 – 21.04.2026	
13	Подготовка введения и заключения	22.04.2026 – 12.05.2026	
14	Оформление ВКР	13.05.2026 – 21.05.2026	
15	Сдача ВКР на нормоконтроль, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	22.05.2026 – 3.06.2026	
16	Ознакомление с отзывом, рецензией	4.06.2026	
17	Представление законченной магистерской диссертации, передача в ГЭК	5.06.2026	

Руководитель _____ / В.А. Скворцова /

Задание принял к исполнению магистрант _____ / Г. В. Фадеев /

Реферат

Магистерская диссертация 78 с., 3 ч., 3 рис., 15 табл., 67 источников.

БРИКС, ЦЕНТР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИЛЫ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, ДЕДОЛЛАРИЗАЦИЯ, НОВЫЙ БАНК РАЗВИТИЯ, ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, СТРУКТУРНАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ, БРИКС+

Объект исследования – деятельность БРИКС как формирующегося центра экономической силы в современной глобальной экономике.

Цель работы состоит в анализе роли БРИКС как нового центра экономической силы и его влияния на глобальную экономику и внутренние рынки стран-участниц.

Методологической основой диссертационного исследования являются принципы системного и институционального анализа, методы сравнительного и структурного анализа, элементы экономико-математического моделирования, а также историко-логический и геоэкономический подходы. Использовались как нормативный, так и позитивный методы исследования при оценке роли БРИКС в трансформации мировой экономической системы.

В результате исследования было комплексно обоснована роль БРИКС как формирующегося центра экономической силы (в отличие от преобладающих геополитических трактовок). Показано, что объединение одновременно воздействует на: международную торговлю, глобальные цепочки создания стоимости, финансовую архитектуру (реформирование МВФ, Всемирного банка, ВТО), дедолларизацию, структурную диверсификацию экономик стран-участниц, инвестиционное сотрудничество и технологический обмен.

Выявлено, что расширение БРИКС в 2024 г. (Иран, Египет, Эфиопия, ОАЭ) усилило ресурсный, демографический и валютно-финансовый потенциал блока. Уточнён понятийный аппарат интеграционного взаимодействия в условиях многополярной экономики.

Результаты работы: Раскрыты теоретико-методологические подходы к изучению экономических союзов и центров силы. Прослежена эволюция БРИКС от аналитической концепции быстрорастущих рынков до института многостороннего

взаимодействия. Оценено место БРИКС в системе международной торговли и глобальных цепочек создания стоимости. Проанализировано финансовое измерение БРИКС: дедолларизация, развитие альтернативной финансовой инфраструктуры. Выявлены эффекты участия в БРИКС для структурной диверсификации национальных экономик. Определено влияние инвестиционного сотрудничества и технологического обмена в рамках БРИКС на внутренние рынки государств-участников.

Научная новизна исследования заключается в комплексном обосновании БРИКС как формирующегося центра экономической силы, в отличие от преобладающих геополитических трактовок. В работе показано, что объединение одновременно воздействует на международную торговлю, глобальные цепочки создания стоимости, финансовую архитектуру, структурную диверсификацию, инвестиционное сотрудничество и технологический обмен стран-участниц, а его расширение в 2024 г. усилило ресурсный, демографический и валютно-финансовый потенциал блока. Кроме того, уточнён понятийный аппарат: БРИКС представляет собой не классическую интеграционную модель, а гибридную координационную платформу сетевого типа, сочетающую элементы формальной организации, идеологической солидарности и стратегического прагматизма без передачи суверенитета на наднациональный уровень.

Практическая значимость определяется возможностью применения полученных результатов в прогнозировании сценариев развития БРИКС, выработке внешнеэкономических стратегий стран-участниц, а также при разработке национальных программ экономического развития с учетом участия в объединении.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представлений о трансформации глобального экономического ландшафта под влиянием новых центров силы. Полученные результаты дополняют и уточняют существующие теоретические подходы к пониманию процессов регионализации, дедолларизации и формирования альтернативных финансовых институтов, а также вносят вклад в теорию интеграционных объединений нового типа.

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретические основы анализа БРИКС как формы экономического объединения.....	7
1.1 Теоретические подходы к изучению экономических союзов и центров силы в глобальной экономике	7
1.2 Эволюция БРИКС: от научной концепции к полноценному институту многостороннего взаимодействия	15
Глава 2 Влияние БРИКС на глобальную экономику	28
2.1 БРИКС в системе международной торговли и глобальных цепочек создания стоимости	28
2.2 Финансовое партнерство БРИКС: реформирование глобальных институтов.....	36
Глава 3 Влияние БРИКС на внутренние рынки стран-участниц	53
3.1 Эффекты участия в БРИКС для структурной диверсификации национальных экономик	53
3.2 Влияние инвестиционного сотрудничества и технологического обмена на внутренние рынки	61
Заключение	69
Список использованных источников	72

Введение

Быстрое перераспределение глобальных экономических и политических центров силы в XXI в. обусловило актуальность исследования формирующихся наднациональных объединений, обладающих потенциалом изменения конфигурации мировой экономики. Одним из таких ключевых игроков стало объединение БРИКС, включающее Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую Республику, а с 2024 г. – также Иран, Египет, Эфиопию и Объединённые Арабские Эмираты. В условиях геоэкономической турбулентности, усиления санкционного давления и нарастания глобальных дисбалансов, БРИКС претендует на роль не только альтернативного центра силы, но и институционального механизма формирования более сбалансированной модели глобального развития.

Актуальность темы исследования определяется возросшим влиянием стран БРИКС на ключевые процессы в мировой экономике: трансформацию торговых потоков, реформирование международных финансово-экономических институтов, дедолларизацию, а также развитием собственных платежных систем, инвестиционных платформ и стратегий устойчивого роста. Кроме того, участие в объединении оказывает разнонаправленное влияние на внутренние рынки государств-участников, стимулируя структурные преобразования, инвестиционную активность и технологическое развитие.

Степень разработанности темы связана с тем, что БРИКС рассматривается в научной литературе с разных сторон. Б. Баласса заложил теоретическую основу анализа экономической интеграции и межгосударственных объединений; А. А. Громыко рассматривал институциональные условия устойчивости международных блоков; М. А. Премудрова изучала формирование новых центров силы и роль объединений развивающихся стран в мировой архитектуре. А. А. Ткаченко обращал внимание на БРИКС как на форму субъектности стран Глобального Юга, а Ли Юэ анализировал многополярность и усиление восходящих экономик в международных отношениях. Вместе с тем большинство работ

акцентирует внимание либо на политико-дипломатическом аспекте сотрудничества, либо на отдельных финансовых и торговых инструментах. Комплексное рассмотрение БРИКС как нового центра экономической силы, влияющего одновременно на глобальную экономику и внутренние рынки участников, сохраняет самостоятельное исследовательское значение, особенно с учетом расширения формата объединения.

Целью настоящего исследования является анализ роли БРИКС как нового центра экономической силы и его влияния на глобальную экономику и внутренние рынки стран-участниц.

Для достижения данной цели в работе были поставлены следующие задачи:

- раскрыть теоретико-методологические подходы к изучению экономических союзов и центров силы в глобальной экономике;
- проследить эволюцию БРИКС от аналитической концепции быстрорастущих рынков к институту многостороннего взаимодействия;
- оценить место БРИКС в системе международной торговли и глобальных цепочек создания стоимости;
- проанализировать финансовое измерение БРИКС, включая реформирование МВФ, Всемирного банка и ВТО, дедолларизацию и развитие альтернативной финансовой инфраструктуры;
- выявить эффекты участия в БРИКС для структурной диверсификации национальных экономик стран-участниц;
- определить влияние инвестиционного сотрудничества и технологического обмена в рамках БРИКС на внутренние рынки государств объединения.

Объектом исследования выступает деятельность БРИКС как формирующегося центра экономической силы в современной глобальной экономике.

Предметом исследования является влияние торгово-финансового, инвестиционного и технологического взаимодействия стран БРИКС на глобальную экономику и внутренние рынки участников объединения.

Методологической основой диссертационного исследования являются принципы системного и институционального анализа, методы сравнительного и

структурного анализа, элементы экономико-математического моделирования, а также историко-логический и геоэкономический подходы. Использовались как нормативный, так и позитивный методы исследования при оценке роли БРИКС в трансформации мировой экономической системы.

Научная новизна исследования заключается в комплексном обосновании БРИКС как формирующегося центра экономической силы, в отличие от преобладающих геополитических трактовок. В работе показано, что объединение воздействует одновременно на международную торговлю, глобальные цепочки создания стоимости, финансовую архитектуру, структурную диверсификацию, инвестиционное сотрудничество и технологический обмен стран-участниц, а его расширение в 2024 г. усилило ресурсный, демографический и валютно-финансовый потенциал блока и в уточнении понятийного аппарата интеграционного взаимодействия в условиях многополярной экономики и систематизация подходов к анализу центров силы. БРИКС представляет собой не классическую интеграционную модель, а гибридную координационную платформу сетевого типа, сочетающую элементы формальной организации, идеологической солидарности и стратегического прагматизма без передачи суверенитета на наднациональный уровень.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представлений о трансформации глобального экономического ландшафта под влиянием новых центров силы. Полученные результаты дополняют и уточняют существующие теоретические подходы к пониманию процессов регионализации, дедолларизации и формирования альтернативных финансовых институтов, а также вносят вклад в теорию интеграционных объединений нового типа.

Практическая значимость определяется возможностью применения полученных результатов в прогнозировании сценариев развития БРИКС, выработке внешнеэкономических стратегий стран-участниц, а также при разработке национальных программ экономического развития с учетом участия в объединении.

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников. Первая глава посвящена

теоретическим основам анализа БРИКС как формы экономического объединения и эволюции объединения от научной концепции к полноценному институту многостороннего взаимодействия. Во второй главе раскрывается влияние БРИКС на глобальную экономику через международную торговлю, глобальные цепочки создания стоимости, реформирование финансово-экономических институтов, дедолларизацию и развитие альтернативной финансовой инфраструктуры. Третья глава содержит анализ влияния взаимодействия в рамках БРИКС на внутренние рынки стран-участниц, включая структурную диверсификацию, инвестиционное сотрудничество и технологический обмен.

Глава 1 Теоретические основы анализа БРИКС как формы экономического объединения

1.1 Теоретические подходы к изучению экономических союзов и центров силы в глобальной экономике

На протяжении последних десятилетий процессы глобализации и трансформации мировой экономической системы вызвали растущий интерес научного сообщества к изучению феномена межгосударственных экономических объединений, выступающих не только в роли инструментов регионального сотрудничества, но и как претенденты на статус новых центров силы в глобальной политико-экономической структуре. Эти объединения – будь то Европейский союз, АСЕАН, МЕРКОСУР или БРИКС – стали осями перераспределения власти, ресурсов, технологического прогресса и торговых потоков, оспаривая доминирование традиционных западных институтов.

Классическим основанием для анализа межгосударственного экономического взаимодействия служат теории экономической интеграции, ключевая из которых была предложена Б. Балассой в его работе «*The Theory of Economic Integration*». Учёный выделил несколько стадий интеграции: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, и, наконец, политический союз. По его определению, «экономическая интеграция представляет собой процесс устранения дискриминационных барьеров между национальными экономиками» [10, с. 63]. Такой поэтапный подход сохраняет актуальность и в XXI в., поскольку большинство современных союзов формируются и функционируют в рамках этих уровней.

Одновременно с этим в научной литературе акцентируется различие между формальной институциональной интеграцией (характерной для ЕС) и прагматическим сотрудничеством стран, преследующих общие стратегические интересы без жёсткой наднациональной структуры. Именно ко второму типу

относится БРИКС, что требует использования более гибких методологических рамок анализа, включая неинституциональные и конструктивистские подходы.

С позиций неинституционализма, особое внимание уделяется созданию устойчивых правил взаимодействия между странами и формированию доверия как ключевого ресурса экономической кооперации. Как подчёркивает А. А. Громыко, «институциональная архитектура региональных блоков оказывает непосредственное влияние на устойчивость экономических связей и инвестиционную привлекательность пространства, в котором функционирует объединение» [12 с. 15]. В этой связи ключевым фактором становится не только уровень интеграции, но и качество нормативного и правового поля, обеспечивающего выполнение совместных обязательств.

Другой важный теоретический ракурс – концепция международных центров силы. В контексте реалистской парадигмы международных отношений центры силы рассматриваются как совокупности государств (или отдельных стран), способные проецировать влияние за пределы собственных границ, оказывать воздействие на принятие решений в глобальных институтах, а также формировать альтернативные каналы торговли, инвестиций и регулирования. Согласно М. А. Премудровой, «на фоне относительного снижения роли традиционных держав возрастают интеграционные инициативы стран с быстроразвивающимися экономиками, включая БРИКС, которые претендуют на институционализированное влияние в мировой архитектуре» [37, с. 294].

Особую значимость приобретает феномен Глобального Юга, который во второй половине XX в. начал осознанно выстраивать собственные экономические альянсы, способные конкурировать с центрами силы Запада. Такие объединения, как БРИКС, рассматриваются в этом контексте не только как экономические или политические коалиции, но и как цивилизационные проекты, стремящиеся продвигать альтернативные ценности в мировой повестке. Об этом говорит и А. А. Ткаченко, отмечая, что «БРИКС представляет собой не просто координационную площадку, а новую форму глобальной субъектности стран

не-западного мира, стремящихся к усилению своей роли в мировом управлении» [47, с. 136].

С учётом глобальных трендов последних десятилетий, теоретическое понимание интеграции и центров силы трансформируется в сторону многополярности и сетевых форм взаимодействия. По мнению М. Р. Фрейре, «система глобального управления становится всё более многоуровневой, где государственные и негосударственные акторы, клубная дипломатия и региональные блоки действуют одновременно и часто в конфликте между собой» [51, с. 193]. Это означает отказ от жёсткой иерархии в пользу гибких альянсов, способных адаптироваться к быстро меняющимся реалиям мировой экономики и политики.

Также в качестве теоретико-методологической основы используется концепция геоэкономики, согласно которой государства стремятся реализовать свои интересы через контроль над инфраструктурой, ресурсами, логистикой и инвестициями, а не через военное доминирование. Как указывает А. А. Пахомов, «ведущие компании стран БРИКС становятся не только источниками инвестиций, но и движущими силами технологического прогресса и глобального перераспределения капиталов» [35, с. 18]. Таким образом, экономические союзы обретают характер активных агентов в мировой системе, способных формировать новые экономические зоны влияния.

Современные теоретические подходы к изучению экономических союзов и центров силы в мировой экономике сочетают в себе традиционные идеи интеграции, реалистские представления о власти и влиянии, а также постнеолиберальные взгляды на многополярность и глобальную справедливость. В условиях формирования альтернативных центров силы, таких как БРИКС, возрастает значимость комплексного междисциплинарного анализа, позволяющего учитывать как институциональные параметры, так и цивилизационно-культурные особенности объединения.

Переход к XXI в. ознаменовался качественной трансформацией теоретических представлений о природе экономических союзов и механизмах формирования центров силы в мировой экономике. Если во второй половине XX в. интеграция

рассматривалась преимущественно через призму либеральной парадигмы – как инструмент углубления взаимозависимости и снижения конфликтности, – то в условиях постбиполярного мира и нарастающей турбулентности глобального развития акценты сместились в сторону проблем легитимности глобального управления, перераспределения влияния и институциональной альтернативности.

В научной литературе всё чаще подчёркивается кризис традиционной архитектуры международных институтов, сформированной после Второй мировой войны. В предисловии к коллективной монографии «Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты» отмечается, что «институты глобального управления и международного сотрудничества, сформировавшиеся после Второй мировой войны, испытывают кризис легитимности» [54, с. 448]. Данная формулировка отражает фундаментальный сдвиг в теоретическом осмыслении мировой системы: существующие институты такие как МВФ, Всемирный банк, ВТО перестают восприниматься как нейтральные механизмы регулирования, а всё чаще трактуются как инструменты поддержания асимметрии в распределении экономической власти.

В связи с этим экономические союзы нового типа начинают рассматриваться не просто как формы кооперации, а как институциональные альтернативы сложившемуся мировому порядку. Согласно тому же источнику, «потребность в более справедливом международном регулировании способствует образованию и развитию альтернативных инструментов. Одним из них может стать БРИКС» [58, с. 172]. Тем самым в теоретический оборот вводится идея объединений как площадок перераспределения нормотворческой инициативы и создания новых центров принятия решений.

Особое значение в современной научной дискуссии приобретает концепция многополярности. В рамках данной парадигмы мировая экономика интерпретируется как система конкурирующих, но взаимосвязанных центров силы, каждый из которых стремится закрепить собственные правила игры. В работе Ли Юэ подчёркивается, что трансформация международных отношений после окончания холодной войны привела к тому, что «восходящие силы международных отношений стремятся к установлению многополярности» [24, с. 108]. Таким

образом, БРИКС в теоретическом плане осмысляется как институционализированное проявление этих «восходящих сил».

При этом важно подчеркнуть, что в отличие от классических интеграционных объединений (например, Европейского союза), БРИКС не преследует цели глубокой наднациональной унификации. Как отмечается в исследовании, «БРИКС явно отличается от тех международных организаций, которые нацелены на интеграцию... организация применяет усилие к созданию единой позиции и урегулированию своих разногласий, сохраняя гибкость и отсутствие жесткой оргструктуры» [36, с. 23]. Данный тезис имеет принципиальное теоретическое значение: он указывает на формирование нового типа экономического союза – сетевой координационной платформы, а не классической интеграционной модели.

В контексте институциональной альтернативности особое внимание уделяется созданию собственных финансовых инструментов. Подписание в 2014 г. соглашения о создании Нового банка развития БРИКС рассматривается исследователями как переход от декларативного сотрудничества к институционально оформленной финансовой архитектуре. В соответствующем исследовании подчёркивается, что «основными предпосылками этого процесса явилось укрепление мощи, экономического и политического потенциала стран БРИКС и реформирование международной финансовой системы».

Создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов демонстрирует переход к практической реализации концепции финансовой автономии. В документе указывается, что «геополитическая цель Нового банка развития БРИКС – это обретение большей независимости от нынешних международных финансовых институтов». С теоретической точки зрения речь идёт о формировании элементов параллельной финансовой инфраструктуры, способной частично компенсировать доминирование доллара и евро в мировой валютной системе.

Ещё одним направлением трансформации теоретических подходов стало усиление внимания к геоэкономическому измерению интеграции. Если ранее центры силы анализировались преимущественно через военный и политический

потенциал, то в XXI в. ключевым инструментом влияния становятся инвестиции, инфраструктурные проекты, технологические стандарты и цепочки добавленной стоимости. В рамках этого подхода экономические союзы интерпретируются как платформы координации крупных инфраструктурных инициатив, формирующих новые пространства экономической гравитации.

Особенно показательным в этом отношении является расширение форматов взаимодействия внутри БРИКС. Согласно исследованию инвестиционного развития, сотрудничество осуществляется в многочисленных форматах – от встреч министров финансов до координации в рамках международных организаций. Такая многоуровневая система взаимодействия позволяет рассматривать БРИКС как зарождающийся центр институциональной консолидации государств глобального Юга.

Современная теоретическая дискуссия также затрагивает вопрос технологической конкуренции как основы формирования новых центров силы. В статье Ли Юэ подчёркивается, что мир вступает в этап новой научно-технической революции, связанной с развитием искусственного интеллекта, квантовых технологий и биотехнологий. Это усиливает значимость кооперации в сфере инноваций как фактора долгосрочного геэкономического влияния. Следовательно, экономический союз нового типа должен обладать не только финансовыми инструментами, но и механизмами координации научно-технологической политики.

Таким образом, в XXI в. теоретические подходы к изучению экономических союзов претерпевают существенную эволюцию. От линейных моделей интеграции и либеральной взаимозависимости исследовательская мысль переходит к анализу:

- институциональной конкуренции и альтернативности;
- многополярной структуры глобального управления;
- геэкономических инструментов влияния;
- технологической кооперации как источника стратегической автономии.

Экономические союзы нового поколения – включая БРИКС – становятся не столько интеграционными проектами в классическом смысле, сколько

координационными центрами формирования альтернативной модели мирового экономического порядка.

Несмотря на значительный прогресс в теоретическом осмыслении экономических союзов, многие существующие модели и концепции недостаточно полно отражают специфику формирующихся объединений типа БРИКС. Традиционные интеграционные теории, основанные на работах Бела Балассы, Э. Хааса и К. Дойча, предполагают линейную логику развития – от зоны свободной торговли к экономическому союзу и, далее, к политической интеграции. Однако в случае с БРИКС подобный подход оказывается ограниченным [60, с. 3].

Во-первых, в рамках БРИКС отсутствует единая институциональная надстройка, характерная для Европейского союза или ЕАЭС. Это существенно снижает применимость моделей неофункционализма, предполагающих постепенную передачу полномочий на наднациональный уровень через механизм «разлива». Как подчёркивает Д. Д. Гаврилюк, «БРИКС представляет собой скорее коалицию интересов, чем классический интеграционный блок» [9, с. 14]. Таким образом, союз функционирует как гибкая платформа, а не как вертикально организованная структура.

Во-вторых, применимость мировой-системного анализа к БРИКС требует критической переоценки. Хотя этот подход полезен для выявления иерархии в глобальной экономике, он недостаточно учитывает возможности обратного влияния периферии на центр и роль Юга в генерации новых норм. Между тем, именно страны БРИКС, по утверждению В. И. Моисеева, формируют «новую гуманитарно-экономическую парадигму, основанную на синтезе культур, знаний и научных подходов» [29, с. 59]. Это свидетельствует о необходимости отхода от исключительно иерархических моделей к более сетевым и диффузным.

В-третьих, критике подлежит и устоявшийся в англосаксонской литературе подход «*Hegemonic Stability Theory*», согласно которому стабильность в мировой экономике возможна лишь при доминировании одного актора (гегемона). Теория гегемонии (Ч. Киндлбергер, Р. Кейохейн) предполагает, что без лидера международные институты неэффективны. Однако БРИКС функционирует как

антигегемонистская структура: «БРИКС стремится не к созданию новой гегемонии, а к демонтажу монополии существующих». Это требует пересмотра предпосылок данной теории.

Наиболее адекватным представляется использование синтетических моделей, сочетающих институциональный, геоэкономический и ценностно-нормативный подходы. Такой комплексный взгляд позволяет учесть:

1 Сетевую структуру взаимодействия – как отмечается в исследовании С. Ф. Глазьева, страны БРИКС «не формируют жестких иерархий, а действуют через согласование интересов и инициатив».

2 Нормативное измерение сотрудничества – идеологическая платформа БРИКС основывается на принципах многополярности, невмешательства и уважения суверенитета, что отличает союз от либеральных интеграционных моделей.

3 Гибкую институциональную архитектуру – как видно на примере Нового банка развития, «институционализация возможна при сохранении национальной автономии».

Отдельное внимание заслуживает аспект внутреннего структурного эффекта от участия в союзах. В исследовании В. В. Ольховика и соавторов подробно анализируется влияние налогово-бюджетных стимулов, используемых в Бразилии и Китае, на развитие регионов и внутренних рынков. Авторы подчёркивают: «перераспределение НДС в Бразилии и Китае становится не только фискальным, но и институциональным инструментом поддержки внутреннего производства». Данный подход иллюстрирует, как внутриэкономические эффекты становятся частью глобальной стратегии альтернативной экономической интеграции.

Наконец, новые теоретические конструкции должны учитывать гуманитарно-культурный компонент экономической кооперации. В рамках БРИКС запускаются инициативы по интеграции научного, образовательного и биоэтического дискурса. Примером служит создание Ассоциации медико-гуманитарного развития АМЕГРА-БРИКС, которая, по словам В. И. Моисеева, «соединяет задачи синтеза естественнонаучного и гуманитарного знания в парадигме многополярного

мироустройства». Это указывает на расширение самой природы экономического союза – от экономики к целостной системе ценностей и развития.

Таким образом, теоретическое осмысление БРИКС требует выхода за рамки традиционных парадигм и построения синтетической исследовательской модели, включающей:

- элементы мир-системного анализа;
- подходы институциональной экономики;
- концепции сетевой координации;
- геоэкономическое моделирование;
- гуманитарно-ценностный подход.

Такой подход позволит адекватно анализировать БРИКС как новый, нелинейный и многомерный центр экономической силы, способный не только адаптироваться к мировым трендам, но и задавать собственную повестку глобального развития.

1.2 Эволюция БРИКС: от научной концепции к полноценному институту многостороннего взаимодействия

Идея объединения быстроразвивающихся государств, впоследствии получивших известность как БРИКС, изначально не носила институционального характера. Термин «*BRIC*» был впервые введён в научный и политико-экономический оборот Джимом О’Нилом, главным экономистом инвестиционного банка *Goldman Sachs*, в 2001 г. в аналитическом докладе, посвящённом перспективам роста четырех экономик – Бразилии, России, Индии и Китая. В этом контексте формулировался тезис о смещении глобального экономического центра тяжести от «зрелых» западных экономик к новым быстрорастущим рынкам, которые к середине XXI в. должны были превзойти «Большую семёрку» по совокупному ВВП [44].

Тем не менее, на раннем этапе концепция *BRIC* представляла собой исключительно аналитическую категорию, предназначенную для обозначения

экономического потенциала определённой группы стран. Как отмечается в исследовании Ю. В. Лахно, «на начальном этапе развития БРИКС отсутствовали как юридические механизмы взаимодействия, так и устойчивая организационная структура», а сам термин скорее отражал «группировку по признаку экономического роста, а не по геополитическим или интеграционным критериям» [23, с. 32].

Тем не менее, на фоне глобальных экономических и политических трансформаций середины 2000-х гг. идея *BRIC* приобрела новое измерение. Начало институционализации БРИКС было связано с ростом неудовлетворенности развивающихся стран существующей архитектурой глобального управления, прежде всего, в области финансов и торговли. Как отмечается в аналитическом докладе Центра интеграционных исследований ЕАБР, «развитые страны сохраняли монополию на выработку и реализацию правил глобальной экономической игры, тогда как доля развивающихся стран в мировом ВВП и торговле стремительно росла». Эта асимметрия стала важнейшим стимулом к политическому оформлению коалиции *BRIC* как платформы для выражения общих интересов [18, с. 78].

Первым шагом к институциональному оформлению стала встреча министров иностранных дел стран *BRIC* в Нью-Йорке в 2006 г. на полях Генеральной ассамблеи ООН. Именно тогда государства выразили заинтересованность в развитии регулярного диалога. С этого момента началась постепенная институционализация формата, которая получила развитие в виде регулярных саммитов глав государств, начиная с 2009 г., когда прошла первая встреча в Екатеринбурге.

Добавление Южно-Африканской Республики в 2010 г. стало важной вехой в процессе трансформации *BRIC* в БРИКС. Присоединение ЮАР, как отмечает Л. Г. Каранатова, «придало объединению глобальную географическую репрезентативность и подтвердило его претензии на роль многостороннего механизма вне рамок традиционных западных альянсов» [17, с. 160]. Таким образом, формат стал охватывать все континенты Глобального Юга, формируя условия для выработки альтернативной повестки глобального развития.

От аналитического концепта к политико-экономической реальности БРИКС двигался поступательно, что подтверждается как ростом частоты взаимодействия лидеров и министров, так и появлением специализированных структур: Делового совета, Нового банка развития, Совета по внешнеполитическому сотрудничеству и др. Как подчёркивают В. А. Самуйлова и А. А. Головин, «формат БРИКС эволюционировал в направлении создания устойчивого механизма, способного координировать интересы государств с различными политическими режимами и моделями развития» [42, с. 311].

Таким образом, генезис БРИКС представляет собой уникальный пример эволюции от аналитической категории к полноценному субъекту многосторонних международных отношений. Этот процесс обусловлен как внутренними запросами стран на усиление глобального влияния, так и изменением архитектуры международной политики, в которой усиливается роль негегемонистских форматов и сетевых альянсов.

Переход БРИКС от символического объединения к реальному институту международного сотрудничества ознаменовался последовательным формированием многоуровневой структуры, охватывающей политическое, экономическое, финансовое, гуманитарное и экспертное взаимодействие. Особенностью институционализации БРИКС является её гибкость, отсутствие жёсткой наднациональной вертикали и приверженность принципам суверенного равенства и консенсусности.

Ключевым этапом институционального развития объединения стало проведение первого саммита глав государств в Екатеринбурге в 2009 г. Итоговая декларация встречи впервые зафиксировала намерение стран участвовать в выработке глобальной экономической повестки и содействовать реформированию международных финансово-экономических институтов. Начиная с 2011 г., саммиты БРИКС стали ежегодными, чередуясь между странами-участницами, что обеспечило политическую регулярность и символизировало зрелость механизма.

В исследовании Н. В. Рубан-Лазаревой подчёркивается, что «регулярность саммитов, институциональное закрепление Делового совета и Нового банка

развития свидетельствуют о завершении этапа формального становления БРИКС как международной организации особого типа» [40, с. 121]. При этом важной чертой является сохранение децентрализованной и консенсусной модели принятия решений, обеспечивающей гибкость в условиях различий политических систем, внешнеполитических приоритетов и уровней экономического развития стран-участниц.

Одним из ключевых достижений институционализации стало учреждение Нового банка развития (НБР) в 2014 г., целью которого стало финансирование инфраструктурных проектов и устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся экономиках. Как отмечается в аналитическом докладе, «создание НБР стало ответом на системную недопредставленность стран Глобального Юга в традиционных финансовых структурах», таких как МВФ и Всемирный банк.

С юридической точки зрения, создание банка стало первым прецедентом институционального оформления совместного финансового инструмента, обладающего собственной уставной базой, капиталом и операционной автономией. Учреждение Пула условных валютных резервов (PUVR) дополнительно укрепило финансовую координацию, позволяя странам оказывать взаимную поддержку в случае валютных колебаний и кризисов ликвидности. В документах указывается, что «*PUVR* представляет собой важный инструмент коллективной макрофинансовой стабильности и символ отказа от доллароцентричной модели поддержки» [25, с. 45].

Помимо финансовой сферы, в рамках БРИКС была создана система совещательных и координационных платформ, охватывающих более 20 направлений: энергетика, здравоохранение, образование, наука, технологии, сельское хозяйство и др. Особое значение имеет Деловой совет БРИКС, учреждённый в 2013 г., который стал каналом взаимодействия частного сектора стран-участниц. Как подчёркивает А. А. Головин, «в рамках Делового совета создаются рекомендации для руководства стран БРИКС, что обеспечивает обратную связь между бизнесом и политическими структурами» [42, с. 312]

Не менее важным шагом стало развитие гуманитарного измерения сотрудничества, включающего форматы взаимодействия университетов, экспертных

центров, форумов гражданского общества (*Civil BRICS*), а также медиаплатформ. Эти инициативы формируют основу для расширения культурного и социального диалога, что, по мнению исследователей, способствует формированию идентичности БРИКС как самостоятельного глобального субъекта, а не просто координационного механизма.

Институциональная специфика БРИКС заключается в способности сочетать гибкость и стабильность. С одной стороны, БРИКС не стремится к унификации и наднациональному контролю, с другой – демонстрирует устойчивость и адаптивность к внешним вызовам. Механизмы неформальной дипломатии (мягкая институционализация) обеспечивают согласование позиций по ключевым вопросам международной повестки – от реформирования глобальных институтов до развития сотрудничества в условиях санкционного давления.

Таким образом, институционализация БРИКС развивалась поступательно: от встреч на уровне министров к созданию устойчивой архитектуры сотрудничества, включающей финансовые структуры, экспертные платформы, гуманитарные каналы и механизмы обратной связи с частным сектором. Это позволило БРИКС утвердиться как полноценный субъект многостороннего взаимодействия, обладающий собственными стратегическими ориентирами и потенциалом для дальнейшей институциональной эволюции [13].

Развитие БРИКС как многостороннего института сопровождалось последовательной институционализацией сотрудничества и расширением его функциональной повестки. Существенным этапом в этом процессе стало учреждение в 2015 г. Нового банка развития (*New Development Bank, NDB*), который стал первым реальным механизмом финансовой координации внутри группы. Этот банк был создан с целью финансирования инфраструктурных и устойчивых проектов в странах БРИКС, а также в других развивающихся странах. Его институциональная модель заложила основы распределения управленческих функций между участниками: Китай получил штаб-квартиру, Индия – первого президента, Россия – председателя Совета управляющих, Бразилия – председателя Совета директоров, а Южная Африка – региональное представительство.

Создание банка позволило БРИКС перейти от формата диалоговой платформы к стадии операционного взаимодействия, что существенно повысило институциональную плотность объединения. При этом важно отметить, что инициатива создания банка была выдвинута Индией еще в 2012 г., а поддержка всех стран-участниц в Декларации Этеквини в 2013 г. продемонстрировала консенсус внутри группы по вопросам развития собственной финансовой инфраструктуры.

Тем не менее, несмотря на прогресс в институциональном оформлении, интеграция в рамках БРИКС сталкивается с объективными ограничениями. Одним из ключевых вызовов остаётся отсутствие единой долгосрочной стратегии, а также существенные различия в геополитических приоритетах и моделях развития стран-участниц. Например, как подчеркивает Д. Ф. Гуринович, «общность денежно-финансовых целей не означает безусловного сопряжения национальных интересов и геополитических стратегий». Это означает, что каждая страна продолжает реализовывать собственную внешнеэкономическую повестку, зачастую не совпадающую с интересами других участников [14].

Принимая во внимание географическую разобщённость участников и отсутствие общих границ или логистических коридоров, эффективная координация требует дополнительной институциональной гибкости и механизмов синхронизации. В условиях таких различий БРИКС пока остается «гибридной» структурой: с одной стороны, демонстрируя элементы институционализированного экономического союза, а с другой – сохраняя черты гибкой коалиции государств, объединённых стратегическим прагматизмом и недовольством существующим миропорядком.

БРИКС не стремится к созданию наднациональных органов и жёсткой интеграции по европейскому образцу. Напротив, формат сотрудничества опирается на принципы консенсуса, взаимного уважения суверенитета и отсутствия обязательств, что обеспечивает гибкость, но ограничивает глубину интеграции. Тем не менее, именно эта особенность делает БРИКС привлекательным для новых участников, особенно в контексте расширения формата до «БРИКС+», в рамках

которого сотрудничество выходит за пределы первоначального круга пяти стран и включает новые государства из Азии, Африки и Латинской Америки.

Таким образом, на современном этапе БРИКС представляет собой уникальный пример институционального формирования экономического объединения с глобальными амбициями, в котором сочетаются элементы формальной организации, идеологической солидарности и стратегического прагматизма, направленного на трансформацию существующего миропорядка в сторону многополярности и справедливого глобального управления.

Для более точного понимания эволюции БРИКС важно рассматривать ее не как одномоментное превращение инвестиционного термина в международную организацию, а как цепочку институциональных накоплений. На каждом этапе участники не столько создавали жесткие наднациональные органы, сколько проверяли способность согласовывать позиции в условиях разных экономических моделей и политических интересов. Именно поэтому развитие БРИКС шло медленнее, чем классическая региональная интеграция, но оказалось более устойчивым к разногласиям между участниками.

Первый этап можно обозначить как концептуально-прогностический. В начале 2000-х гг. *BRIC* воспринимался прежде всего как экономическая группа стран с высоким потенциалом роста, крупным населением, значительными внутренними рынками и способностью менять структуру мирового спроса. В этом смысле исходная идея была внешней по отношению к самим государствам: она появилась в аналитике финансового сектора и отражала ожидания инвесторов. Однако уже здесь возникла основа будущей политико-экономической субъектности, поскольку Бразилия, Россия, Индия и Китай были выделены не случайно, а по совокупности долгосрочных факторов: масштабу рынка, ресурсной базе, индустриальному потенциалу и возрастающей роли в мировой торговле [23, с. 32].

Второй этап связан с политизацией формата. После 2006 г. страны начали воспринимать *BRIC* не только как удобную аналитическую аббревиатуру, но и как площадку для согласования интересов. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. ускорил этот процесс, так как продемонстрировал зависимость развивающихся

экономик от решений, принимаемых в узком круге западных финансовых центров. Для стран *BRIC* стало очевидно, что их растущий вклад в мировое производство и торговлю не сопровождается сопоставимым влиянием на правила глобального регулирования. Поэтому первый саммит 2009 г. в Екатеринбурге имел значение не только дипломатического события, но и символического заявления: развивающиеся экономики готовы выступать коллективно, если речь идет о реформировании мировой финансовой архитектуры.

Третий этап начался после присоединения Южно-Африканской Республики. С одной стороны, экономический вес ЮАР был ниже, чем у остальных участников, однако политическое значение этого шага было высоким. Объединение получило представительство на Африканском континенте и тем самым стало претендовать на более широкую роль выразителя интересов Глобального Юга. Для БРИКС это означало переход от группы крупных быстрорастущих экономик к межрегиональному формату, в котором важны не только показатели ВВП, но и географическая репрезентативность, ресурсная база, дипломатические связи и способность формировать повестку развития за пределами западнцентричной системы.

Четвертый этап можно назвать этапом практической институционализации. Его главным результатом стало создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов. Эти институты важны не только как финансовые инструменты, но и как доказательство того, что БРИКС способен выходить за пределы деклараций. Новый банк развития позволил переводить общую повестку в конкретные инфраструктурные проекты, а Пул резервов закрепил идею взаимной макрофинансовой поддержки. При этом оба инструмента были построены так, чтобы не разрушать суверенную самостоятельность участников. Такая конструкция соответствует природе БРИКС: объединение усиливает координацию, но не требует передачи ключевых полномочий на наднациональный уровень [13].

Пятый этап связан с расширением повестки. Если в начале сотрудничество концентрировалось вокруг реформы международных финансовых институтов, то в дальнейшем в него вошли торговля, энергетика, цифровая экономика, транспортная

инфраструктура, образование, здравоохранение, научно-технологические проекты и гуманитарные связи. Это расширение не было случайным. Чем больше внешняя среда становилась нестабильной, тем сильнее страны БРИКС были заинтересованы в каналах сотрудничества, которые могли бы снижать зависимость от одного центра принятия решений. Поэтому гуманитарные, экспертные и деловые форматы стали не второстепенным дополнением, а частью общей институциональной ткани объединения. Основные этапы эволюции БРИКС приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Этапы институциональной эволюции БРИКС [13; 23]

Этап	Период	Содержание изменения	Институциональный результат
Концептуальный	2001–2005 гг.	<i>BRIC</i> используется как аналитическая категория для обозначения быстрорастущих рынков	Формируется внешний образ группы перспективных экономик
Политико-диалоговый	2006–2009 гг.	Переход к встречам министров и первому саммиту лидеров	Появляется регулярный межгосударственный диалог
Межрегиональный	2010–2013 гг.	Присоединение ЮАР и расширение тематики сотрудничества	БРИКС получает представительство Глобального Юга
Институциональный	2014–2016 гг.	Создание НБР и Пула условных валютных резервов	Возникают собственные финансовые механизмы
Расширенный	2020–2025 гг.	Развитие БРИКС+, расчетов в национальных валютах, технологических и инвестиционных инициатив	Объединение приобретает черты центра многополярной координации

В современной конфигурации БРИКС фактически представляет собой многоуровневую систему взаимодействия. На верхнем уровне находятся саммиты лидеров, где фиксируются политические ориентиры. Ниже располагаются встречи министров финансов, иностранных дел, экономики, энергетики, сельского хозяйства и других направлений. Еще один уровень образуют деловые, экспертные, молодежные, университетские и гражданские площадки. Такая структура не выглядит жесткой, но именно она позволяет объединению удерживать устойчивость: если по одному направлению возникают разногласия, сотрудничество продолжается по другим каналам.

Отдельного внимания заслуживает расширение БРИКС в 2024–2025 гг. Вступление новых участников усилило демографический, энергетический и географический масштаб объединения. При этом расширение одновременно усложнило внутреннюю координацию. Новые государства имеют собственные региональные интересы, разные модели внешнеэкономической политики и неодинаковую степень зависимости от западных рынков капитала. Поэтому расширение БРИКС нельзя оценивать однозначно только как усиление. Оно повышает репрезентативность блока, но требует более тонкой институциональной настройки, иначе широкий состав может привести к размыванию повестки [44, с. 6].

Именно в этой противоречивости проявляется специфика БРИКС как института. Он не похож на Европейский союз, потому что не строит единого рынка с наднациональным правом. Он не является военным блоком, так как не предполагает союзнических обязательств в сфере безопасности. Он не совпадает и с классическими международными организациями, поскольку значительная часть его решений имеет политико-координационный, а не юридически обязательный характер. БРИКС ближе к формату стратегической платформы, где государства сохраняют свободу маневра, но получают возможность усиливать переговорные позиции за счет коллективного выступления.

Эволюция объединения показывает, что его институциональная сила формируется не за счет жесткости, а за счет способности аккумулировать разные интересы. Для Бразилии БРИКС является способом укрепления роли Латинской

Америки в мировой экономике. Для России – инструментом снижения внешнеэкономической изоляции и диверсификации международных связей. Для Индии – площадкой, позволяющей одновременно развивать сотрудничество с Китаем и сохранять самостоятельность как отдельного центра силы. Для Китая – механизмом расширения влияния в Глобальном Юге без прямого навязывания иерархии. Для ЮАР и новых участников – каналом включения в крупные инвестиционные и дипломатические контуры. Основные особенности БРИКС

Особенности БРИКС как института многостороннего взаимодействия представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Особенности БРИКС как института многостороннего взаимодействия

Критерий	Классическая интеграционная модель	Модель БРИКС
Правовая основа	Наличие обязательных договоров и наднациональных норм	Преобладание деклараций, соглашений и согласованных политических ориентиров
Цель взаимодействия	Создание общего рынка, унификация правил, снижение внутренних барьеров	Усиление переговорных позиций, развитие альтернативных финансовых и инвестиционных механизмов
Механизм принятия решений	Частичная передача полномочий общим институтам	Консенсус и сохранение суверенной самостоятельности участников
Экономический эффект	Углубление внутриблоковой интеграции и общего регулирования	Координация инфраструктурных, финансовых, технологических и торговых проектов
Ограничения	Риск бюрократизации и конфликта наднационального и национального уровней	Разнородность интересов, отсутствие обязательного механизма исполнения решений

С точки зрения внутренней логики развития БРИКС, наиболее заметным становится переход от символической солидарности к функциональной кооперации. Символическая солидарность проявлялась в общих заявлениях о многополярности и необходимости реформы глобального управления. Функциональная кооперация выражается в кредитовании инфраструктуры, расширении расчетов в национальных валютах, обмене технологическими компетенциями, координации на площадках

G20 и обсуждении новых платежных механизмов. Именно этот переход позволяет говорить о БРИКС как о полноценном институте многостороннего взаимодействия, даже если его институциональная форма отличается от привычных интеграционных моделей.

Представленное сопоставление показывает, что БРИКС развивается по иной логике, чем классические региональные союзы. Его устойчивость обеспечивается не степенью правовой унификации, а способностью поддерживать постоянный диалог между государствами, которые одновременно сотрудничают и конкурируют. Это делает объединение менее управляемым, но более гибким: участники могут продвигать совместные инициативы там, где совпадают интересы, и не блокировать весь формат из-за разногласий по отдельным вопросам.

К важным итогам эволюции БРИКС относится формирование собственной идентичности. В официальной риторике объединение все чаще позиционируется как площадка стран Глобального Юга, выступающих за более справедливое распределение голоса в мировой экономике. При этом данная идентичность не является полностью однородной. Внутри БРИКС присутствуют страны с разными политическими системами, уровнем доходов, структурой экспорта и отношением к западным институтам. Поэтому общая идентичность складывается не вокруг идеологического единства, а вокруг практического запроса на многополярность, финансовую автономию и уважение национальных траекторий развития.

В результате БРИКС прошел путь от внешней инвестиционной классификации до устойчивой системы многостороннего взаимодействия, включающей политический, финансовый, торговый, технологический и гуманитарный уровни. Его эволюция не завершена: объединение остается гибридной структурой, в которой сочетаются черты форума, клуба, финансовой платформы и зарождающегося центра глобального управления. Однако именно эта незавершенность делает БРИКС адаптивным. В условиях высокой турбулентности мировой экономики слишком жесткие институты часто теряют гибкость, тогда как БРИКС сохраняет возможность расширять повестку без разрушения базового принципа суверенного равенства.

Следовательно, развитие БРИКС следует оценивать не по критериям классической интеграции, а по способности формировать коллективный экономический вес, создавать альтернативные институты и влиять на правила глобального управления. С этой позиции объединение уже вышло за рамки научной концепции и стало полноценным институтом многостороннего взаимодействия, хотя его институциональная зрелость выражается не в жесткой наднациональной системе, а в устойчивой сети согласования интересов.

Глава 2 Влияние БРИКС на глобальную экономику

2.1 БРИКС в системе международной торговли и глобальных цепочек создания стоимости

На фоне кризиса глобальных финансовых институтов не менее значимые трансформации происходят в системе международной торговли. Период 2020–2025 гг. ознаменовался эрозией многосторонних правил и ростом протекционизма, что поставило под сомнение эффективность традиционных механизмов торгового регулирования. Ключевым индикатором этого процесса стал паралич Апелляционного органа ВТО с 2019 г., который привел к фактическому размыванию механизма разрешения споров. В 2020–2024 гг. объёмы вводимых торговых ограничений демонстрировали устойчивый рост. Данные по вводу ограничений за 2020–2024 гг. приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Объём новых торговых ограничений в мировой торговле, млрд долл. [65]

Год	Объём ограничений
2020	~460
2021	~530
2022	более 1000
2023	более 1300
2024	более 1400

Резкий рост ограничительных мер отражает переход мировой торговли к состоянию нормативной фрагментации. Особое место в этом процессе занимает введение Европейским союзом пограничного углеродного механизма, который затрагивает экспорт металлургической, химической и цементной продукции из развивающихся стран. Данный механизм де-факто создаёт экстерриториальные требования к национальной промышленной политике государств, что усиливает противоречие между принципами ВТО и фактической практикой торгового регулирования.

На фоне этой нормативной фрагментации и усиления протекционизма возрастает значение БРИКС не просто как совокупности крупных экономик, а как платформы для формирования альтернативных торговых маршрутов и более устойчивых цепочек создания стоимости. Анализ роли объединения в системе международного разделения труда позволяет оценить его потенциал в качестве одного из центров новой, многополярной торговой архитектуры

Роль БРИКС в мировой торговле определяется не только совокупными макроэкономическими показателями стран-участниц, но и их включённостью в глобальные цепочки создания стоимости (*Global Value Chains, GVC*). В условиях трансформации мировой экономики и усиления геоэкономической конкуренции государства БРИКС постепенно переходят от модели сырьевой и полуфабрикатной специализации к более сложной структуре участия в международном разделении труда.

Согласно аналитике, представленной в исследовании К. А. Нарбута, «в 2022 г. экспорт России в страны БРИКС увеличился на 15 %», что отражает не просто рост торгового оборота, а структурное перераспределение внешнеэкономических потоков в сторону западных рынков. При этом подчёркивается, что активная торговля энергоносителями играет ключевую роль в формировании торгового баланса внутри объединения [31, с. 27].

Совокупный экономический вес БРИКС также усиливает его влияние в системе мировой торговли. В работе Ю. О. Толмачева отмечается, что «рост совокупного ВВП стран БРИКС впервые превзошёл аналогичный показатель G7», что отражает структурный сдвиг в глобальном экономическом балансе. Данный показатель имеет прямое значение для оценки потенциала участия стран блока в формировании новых производственных цепочек [48, с. 228].

Для оценки позиции БРИКС в мировой торговле целесообразно представить агрегированные показатели внешнеторгового оборота (таблица 4).

Таблица 4 – Доля стран БРИКС в мировой торговле товарами [43]

Показатель	Значение
Доля БРИКС в мировом экспорте товаров	20–23 %
Доля БРИКС в мировом импорте товаров	18–21 %
Доля Китая в совокупном экспорте БРИКС	60 %
Доля сырьевых товаров в экспорте России и Бразилии	50 %

Приведённые данные демонстрируют асимметрию внутри объединения. Китай выступает ядром производственных цепочек и крупнейшим экспортёром промышленной продукции, тогда как Россия и Бразилия сохраняют выраженную сырьевую специализацию. Индия постепенно усиливает позиции в сфере услуг, цифровых технологий и фармацевтики, формируя собственные сегменты добавленной стоимости.

Структурная неоднородность БРИКС предопределяет различную степень включённости стран в глобальные цепочки стоимости. Китай интегрирован преимущественно в верхние и средние сегменты производственных цепочек, обеспечивая сборку, переработку и экспорт готовой продукции. Индия активно участвует в глобальных сервисных цепочках, включая *IT*-аутсорсинг и цифровые платформы. Россия и Бразилия обеспечивают поставки сырья, продовольствия и энергоресурсов, что формирует базовый уровень производственных потоков.

В контексте глобальной фрагментации торговли особое значение приобретает переориентация торговых маршрутов. В исследовании подчеркивается, что БРИКС становится «платформой для равноправного экономического сотрудничества», что предполагает не только количественный рост товарооборота, но и формирование альтернативных логистических и расчётных механизмов.

Важным фактором является энергетическая составляющая. Страны БРИКС контролируют значительную долю мировой добычи нефти, газа и угля, а также обладают крупными запасами стратегических ресурсов. Это позволяет им формировать устойчивые экспортно-импортные связи вне традиционных западных маршрутов. Расширение блока за счёт государств Ближнего Востока усиливает этот

потенциал и способствует формированию новых торговых осей «Юг–Юг» [50, с. 76].

Однако включённость в глобальные цепочки создания стоимости сталкивается с рядом вызовов. В работе Ю. О. Толмачева подчёркивается наличие «экономических противоречий», связанных с различием национальных интересов и моделей развития. Это проявляется в конкуренции за рынки сбыта, инвестиционные ресурсы и технологическое лидерство.

Дополнительным фактором является влияние санкционной политики и торговых ограничений. Усиление геополитической напряженности стимулирует процессы регионализации и формирование параллельных торговых инфраструктур. В этом контексте БРИКС выступает как механизм частичной компенсации ограничений через расширение внутриблоковой торговли и диверсификацию экспортных направлений.

Таким образом, БРИКС постепенно укрепляет позиции в системе международной торговли, однако его роль в глобальных цепочках создания стоимости остаётся неоднородной. Китай формирует индустриальное ядро блока, Индия наращивает сервисный потенциал, Россия и Бразилия обеспечивают ресурсную базу. Перспективы дальнейшего углубления интеграции зависят от способности стран перейти от преимущественно межгосударственной торговли к координации промышленной и инвестиционной политики, направленной на создание совместных производственных платформ.

Трансформация роли БРИКС в международной торговле проявляется не только в количественном росте товарооборота, но и в постепенном изменении структуры внешнеэкономических связей. Если на ранних этапах функционирования объединения преобладала модель параллельного сосуществования национальных торговых стратегий, то в последние годы наблюдается формирование более плотных горизонтальных связей, ориентированных на взаимное дополнение производственных и ресурсных потенциалов.

Особое значение в этом процессе имеет энергетическая и сырьевая составляющая. В исследовании, посвящённом внешнеторговой деятельности России

со странами БРИКС, подчёркивается, что активная торговля энергоносителями с государствами БРИКС играет ключевую роль. Данный тезис отражает более широкую тенденцию: внутри объединения формируется устойчивая модель ресурсно-промышленного обмена, где одни государства выступают поставщиками стратегического сырья, а другие – центрами переработки и промышленной трансформации.

В рамках глобальных цепочек создания стоимости это означает перераспределение отдельных стадий производственного цикла между участниками блока. Китай сохраняет позиции крупнейшего промышленного хаба, концентрируя сборочные и перерабатывающие мощности, Индия усиливает роль поставщика услуг и цифровых решений, Бразилия и Россия обеспечивают сырьевую основу, включая энергоресурсы, металлы, аграрную продукцию и минеральные удобрения. Подобная специализация формирует предпосылки для углубления производственной кооперации. Секторальная специализация стран БРИКС представлена в таблице 5.

Таблица 5 – Секторальная специализация стран БРИКС в глобальных цепочках стоимости [53]

Страна	Ключевая роль в GVC
Китай	Промышленная переработка, электроника, машиностроение
Индия	IT-услуги, фармацевтика, аутсорсинг
Россия	Энергоресурсы, металлы, удобрения
Бразилия	Аграрная продукция, сырьё, биотопливо
ЮАР	Минеральные ресурсы, металлы платиновой группы

Данная структура демонстрирует, что БРИКС пока не является интегрированной производственной системой в полном смысле этого слова. Страны сохраняют различную глубину технологической переработки и степень участия в высокотехнологичных сегментах цепочек. Вместе с тем внутри блока постепенно усиливаются тенденции к локализации производственных операций и расширению кооперационных проектов.

Важным направлением становится развитие инфраструктурных и инвестиционных механизмов, способствующих удлинению внутренних цепочек стоимости. В исследовании, посвящённом вызовам для БРИКС, подчёркивается необходимость создания «единой нормативно-правовой основы» для укрепления положения объединения в мировой политике. В экономическом измерении это означает выработку согласованных правил промышленной кооперации, инвестиционной защиты и технологического обмена.

Наряду с этим усиливается переориентация торговых потоков в направлении Юг–Юг. Формирование новых транспортных коридоров, расширение морских маршрутов и развитие портовой инфраструктуры создают условия для снижения зависимости от традиционных транзитных узлов. Это особенно актуально в условиях геоэкономической фрагментации, когда глобальные цепочки создания стоимости подвергаются регионализации.

Следует учитывать, что БРИКС не является таможенным союзом или зоной свободной торговли. Отсутствие единой тарифной политики ограничивает глубину интеграции. Однако компенсирующим фактором выступает масштаб внутренних рынков. Совокупное население стран блока формирует значительный потребительский спрос, что позволяет развивать внутриблоковые производственные цепочки без полной зависимости от внешних рынков.

Одновременно сохраняются структурные вызовы. Во-первых, конкуренция за рынки сбыта между участниками может ограничивать кооперацию в отдельных секторах. Во-вторых, различия в уровне технологического развития затрудняют создание равномерно распределённых цепочек добавленной стоимости. В-третьих, влияние внешних санкционных и протекционистских мер продолжает оказывать давление на трансграничные потоки капитала и технологий.

Тем не менее совокупный экономический потенциал БРИКС создаёт условия для постепенного формирования альтернативной конфигурации глобальных цепочек стоимости. Речь идёт не о полной замене существующих производственных маршрутов, а о формировании дополнительного полюса мировой торговли, где кооперация строится на принципах суверенного равенства и взаимной выгоды.

Таким образом, БРИКС в системе международной торговли выступает не только как совокупность национальных экономик, но и как зарождающаяся платформа перераспределения добавленной стоимости. Степень успешности этого процесса будет определяться способностью стран блока перейти от модели торговой взаимодополняемости к формированию устойчивых транснациональных производственных альянсов.

Расширение БРИКС стало качественно новым этапом в трансформации его роли в мировой торговле. Присоединение государств с выраженным ресурсным, транзитным и финансовым потенциалом существенно изменило параметры объединения, усилив его позиции в системе глобального товарообмена. В научной литературе подчёркивается, что сам процесс расширения был обусловлен стремлением повысить «представительность, привлекательность и влияние» объединения, что имеет прямое экономическое измерение.

Расширение БРИКС+ усилило три ключевых торговых направления. Во-первых, укрепилась энергетическая ось, поскольку в состав блока вошли государства, обладающие значительными запасами углеводородов. Это повысило долю объединения в мировой добыче нефти и газа и усилило его влияние на ценообразование в сырьевом сегменте. Во-вторых, расширился аграрный и продовольственный потенциал, что особенно важно в условиях нестабильности мировых продовольственных рынков. В-третьих, усилился транзитный компонент – страны Ближнего Востока и Африки обеспечивают контроль над стратегическими морскими путями и логистическими узлами.

В результате формируется новая торговая конфигурация, основанная на более тесном взаимодействии стран Глобального Юга. Если ранее глобальные цепочки создания стоимости строились преимущественно вокруг триады США – ЕС – Восточная Азия, то в настоящее время усиливается альтернативный контур, внутри которого БРИКС+ выступает как центр координации торговых и инвестиционных потоков.

В исследовании подчёркивается, что БРИКС рассматривается как «платформа для равноправного экономического сотрудничества». В торговом измерении это

означает постепенный отход от вертикальной зависимости, когда развивающиеся страны выполняют исключительно функцию поставщиков сырья. Вместо этого усиливается горизонтальная кооперация, предполагающая переработку, совместное производство и локализацию отдельных этапов цепочек добавленной стоимости.

Особое значение приобретает переход к расчётам в национальных валютах, который напрямую влияет на структуру торговых потоков. Снижение транзакционных издержек и уменьшение валютных рисков создают дополнительные стимулы для наращивания внутриблоковой торговли. В сочетании с развитием независимой расчётной инфраструктуры это формирует институциональную основу для устойчивости торговых связей в условиях глобальной турбулентности.

Однако формирование альтернативной конфигурации мировой торговли сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, сохраняется технологический разрыв между отдельными участниками, что препятствует равномерному распределению добавленной стоимости. Во-вторых, конкуренция за инвестиции и рынки сбыта внутри блока может ограничивать глубину интеграции. В-третьих, влияние внешних игроков, включая попытки создания альтернативных транспортных коридоров и торговых альянсов, направленных на перераспределение потоков, усиливает давление на объединение.

Тем не менее расширение БРИКС+ объективно усиливает его значение как одного из крупнейших центров мировой торговли. Совокупный рынок объединения включает значительную долю мирового населения, значительные сырьевые ресурсы и растущий промышленный потенциал. Это создаёт предпосылки для формирования устойчивых производственных и логистических связей вне традиционной западной инфраструктуры.

В долгосрочной перспективе БРИКС может трансформироваться из координационной платформы в структурный элемент новой торговой архитектуры. Речь идёт не о замещении существующей системы, а о появлении параллельного контура, в котором глобальные цепочки создания стоимости будут перераспределяться в сторону более сбалансированной и многополярной модели.

Успешность такого сценария будет зависеть от способности государств блока институционализировать кооперацию, согласовать промышленную политику и минимизировать внутренние противоречия.

Таким образом, БРИКС в системе международной торговли постепенно приобретает черты самостоятельного экономического полюса. Расширение объединения усиливает его ресурсную и транзитную базу, а углубление производственной кооперации формирует предпосылки для перераспределения добавленной стоимости в глобальном масштабе.

2.2 Финансовое партнерство БРИКС: реформирование глобальных институтов

Период 2020–2025 гг. ознаменовал собой углубление структурного кризиса действующей системы глобального экономического управления. Пандемия *COVID-19*, масштабные программы денежной эмиссии в развитых экономиках, санкционная трансформация международных расчётов, энергетический и продовольственный шоки 2022–2023 гг., а также растущий протекционизм в международной торговле продемонстрировали ограниченность адаптационных механизмов институтов Бреттон-Вудской архитектуры. Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация оказались не в состоянии обеспечить баланс интересов государств с различным уровнем развития в условиях ускоренной трансформации мирового хозяйства [11].

Ключевым индикатором институционального несоответствия выступает расхождение между реальным экономическим весом стран с формирующимися рынками и их представительством в органах принятия решений. Динамика последних лет демонстрирует устойчивое перераспределение глобального экономического центра тяжести в пользу стран БРИКС (таблица 6).

Таблица 6 – Доля стран БРИКС и G7 в мировом ВВП по ППС, 2020–2025 гг., % [11]

Год	БРИКС	G7
2020	31,9	30,7
2021	33,4	29,8
2022	34,2	29,4
2023	35,7	28,3
2024	36,8	27,6
2025	~38	26–27

Представленные данные отражают устойчивую тенденцию: уже к 2022 г. совокупный объём ВВП стран БРИКС по паритету покупательной способности превысил аналогичный показатель государств «Группы семи», а к 2024–2025 гг. разрыв продолжил увеличиваться. При этом расширение объединения в 2024 г. дополнительно усилило его демографический и ресурсный потенциал, доведя совокупную долю стран БРИКС+ в мировой экономике почти до 40 % по ППС.

Несмотря на это, распределение квот в Международном валютном фонде остаётся инерционным и отражает баланс сил середины XX в. Данные по состоянию на 2024 г. демонстрируют очевидную диспропорцию (таблица 7).

Таблица 7 – Квоты в МВФ и экономический вес отдельных стран 2024 г. [66]

Страна	Доля в мировом ВВП по ППС, %	Квота в МВФ, %
США	~15	16,5
Китай	~19	6,4
Индия	~7,5	2,8
Россия	~3,3	2,6
Бразилия	~2,4	2,2
Германия	~3	5,3

Соотношение показателей свидетельствует о структурном перекосе. Китай, являясь крупнейшей экономикой мира по ППС, обладает квотой в МВФ почти в три раза меньшей, чем США. Индия, обеспечивающая значительную часть мирового экономического роста последних лет, имеет менее 3 % голосов. Подобное несоответствие объективно снижает легитимность принимаемых решений в глазах стран с формирующимися рынками [66].

Особенно ярко ограниченность существующего механизма проявилась в 2021 г. при распределении специальных прав заимствования на сумму 650 млрд долл. Формально универсальная эмиссия ликвидности была распределена пропорционально квотам, в результате чего развитые государства получили большую часть ресурсов, тогда как наименее обеспеченные экономики получили минимальные объёмы поддержки. Это вызвало серьёзную критику со стороны стран Глобального Юга, поскольку сама логика распределения усилила уже существующие дисбалансы.

Параллельно сохраняются традиционные механизмы условности кредитования Всемирного банка. Несмотря на рост объёмов финансирования в период постпандемического восстановления, условия предоставления средств включали требования фискальной консолидации, структурных реформ и адаптации к климатической повестке. Для многих развивающихся стран подобная модель воспринимается как ограничение суверенного выбора траектории развития. В условиях усиливающейся геоэкономической конкуренции это формирует запрос на альтернативные источники финансирования, не сопровождающиеся жёсткими политико-экономическими условиями.

На фоне указанных процессов БРИКС постепенно формирует позицию системного пересмотра архитектуры глобального управления. Расширение объединения в 2024 г. усилило его ресурсный и энергетический потенциал: на страны блока приходится значительная доля мировой добычи нефти и газа, крупные объёмы производства продовольствия и критически важных минеральных ресурсов. Совокупные международные резервы государств БРИКС превышают несколько триллионов долларов, что создаёт материальную базу для альтернативных финансовых механизмов [56].

Одновременно наблюдается устойчивая тенденция роста расчётов в национальных валютах во взаимной торговле, особенно между крупнейшими экономиками блока. Это свидетельствует о постепенном снижении зависимости от долларовой инфраструктуры и формировании предпосылок для более автономной финансовой координации.

Таким образом, в 2020–2025 гг. кризис глобальных финансово-экономических институтов проявился в трёх взаимосвязанных измерениях: институциональном несоответствии экономического веса и представительства, ограниченной способности к справедливому перераспределению ресурсов в условиях глобального шока и эрозии многосторонней торговой системы. В этих условиях БРИКС выступает не как разрушитель существующего порядка, а как коллективный субъект, заинтересованный в его модернизации и корректировке в сторону большей репрезентативности и учёта интересов развивающихся государств.

Переход БРИКС от критики существующей финансовой архитектуры к формированию собственных институтов наиболее отчетливо проявился в период 2020–2025 гг. Если на ранних этапах объединение выступало преимущественно с декларациями о необходимости реформирования МВФ и Всемирного банка, то в последние годы акцент сместился в сторону институционального строительства и расширения практической деятельности уже созданных механизмов.

Ключевым элементом альтернативной финансовой инфраструктуры выступает Новый банк развития, начавший операционную деятельность в 2016 г. Однако именно в 2020–2025 гг. его роль существенно возросла на фоне пандемического кризиса, санкционной фрагментации рынков капитала и ограниченного доступа отдельных государств к западной финансовой системе.

К 2024 г. совокупный объем одобренных проектов НБР превысил 32 млрд долл., при этом банк профинансировал более 95 проектов в сфере инфраструктуры, энергетики, устойчивого развития и транспортной модернизации. Существенной особенностью является географическая диверсификация операций после расширения членства. Динамика одобренных проектов НБР представлена в таблице 8.

Анализ динамики показывает, что несмотря на внешние ограничения и изменения в международной финансовой среде, НБР сохранил устойчивость и продолжил кредитную активность. Особенно важно, что в 2022–2023 гг., в условиях санкционных ограничений против России и роста глобальной процентной ставки,

банк не свернул свою деятельность, а адаптировал финансовую стратегию, расширяя использование национальных валют в кредитовании.

Таблица 8 – Динамика одобренных проектов НБР [65]

Год	Количество проектов	Общий объем одобрения, млрд долл.
2020	65	~21
2021	80	~27
2022	90	~30
2023	94	~31
2024	95+	32–33

Сравнение с операциями Всемирного банка позволяет выявить различия не только по масштабам, но и по принципам финансирования (таблица 9)

Таблица 9 – Сравнительные параметры НБР и Всемирного банка 2023–2024 гг. [54]

Показатель	НБР	Всемирный банк
Годовой объем одобренных займов	8–9 млрд долл.	Более 100 млрд долл.
Основные направления	Инфраструктура, энергетика, транспорт	Социальные реформы, климат, институциональные программы
Валюта кредитования	Доллар + нацвалюты	Преимущественно доллар
Политические условия	Отсутствуют	Присутствуют элементы условности

Хотя по абсолютным масштабам НБР существенно уступает Всемирному банку, его принципиальное отличие заключается в модели взаимодействия с заемщиками. Кредитование осуществляется без макроэкономических требований, связанных с бюджетной консолидацией или структурной перестройкой экономики. В условиях усиливающейся политизации международных финансовых потоков данный подход повышает привлекательность банка для стран Глобального Юга.

Дополнительным элементом финансовой автономизации выступает Пул условных валютных резервов БРИКС (CRA), созданный как механизм поддержки ликвидности в случае краткосрочных кризисов платежного баланса. Его общий

заявленный объем составляет 100 млрд долл., из которых крупнейший вклад принадлежит Китаю. Хотя в 2020–2025 гг. инструмент не использовался в полномасштабном режиме, сам факт его существования формирует психологическую и институциональную альтернативу механизмам МВФ.

На фоне валютной турбулентности 2022–2023 гг., вызванной ужесточением монетарной политики ФРС США, наличие CRA позволило странам БРИКС снизить потенциальные риски резкого оттока капитала. В отличие от МВФ, механизм не предполагает обязательной структурной корректировки экономики как условия предоставления поддержки, что делает его более гибким инструментом.

Значительное внимание в 2023–2025 гг. уделяется развитию расчетной инфраструктуры. Расширение доли национальных валют во взаимной торговле между странами БРИКС стало одним из ключевых направлений финансовой координации. По оценкам национальных регуляторов, в расчетах между Россией и Китаем доля национальных валют превысила 90 %, в торговле Китай–Бразилия наблюдается устойчивый рост операций в юанях и реалах. Индия активизировала расчеты в рупиях с рядом партнеров [61].

Этот процесс не означает отказа от доллара в глобальном масштабе, однако формирует сегмент региональной финансовой автономии. В условиях санкционного давления и блокировки отдельных стран от долларовой инфраструктуры значение подобных механизмов существенно возрастает.

Расширение БРИКС в 2024 г. усилило финансовый потенциал объединения. Включение государств Ближнего Востока, обладающих значительными суверенными фондами, увеличивает возможности для мобилизации инвестиционных ресурсов. По состоянию на 2024 г. совокупные активы суверенных фондов стран БРИКС+ оцениваются в несколько триллионов долларов, что открывает перспективы координации инвестиционной политики вне западных финансовых центров.

Таким образом, в 2020–2025 гг. стратегия БРИКС в отношении глобальных финансовых институтов реализуется по двум параллельным направлениям. С одной стороны, сохраняется требование реформирования МВФ и Всемирного банка с

целью перераспределения квот и расширения представительства развивающихся стран. С другой стороны, происходит институциональное укрепление собственных механизмов – НБР, Пула резервов, валютной координации и расчетной инфраструктуры.

Несмотря на ограниченность масштабов по сравнению с традиционными глобальными институтами, альтернативная архитектура постепенно приобретает структурную устойчивость. Ее значение заключается не столько в количественном соперничестве с Всемирным банком или МВФ, сколько в создании прецедента финансовой многополярности [63].

Институциональное укрепление БРИКС в 2020–2025 гг. сопровождалось не только расширением финансовых механизмов и усилением координации, но и выявлением структурных ограничений, способных повлиять на глубину трансформации мировой экономической архитектуры. Формирование альтернативных институтов не означает автоматического демонтажа существующей системы; скорее речь идет о постепенном перераспределении центров влияния в условиях усиливающейся многополярности.

Одним из ключевых ограничений выступает асимметрия экономического потенциала внутри объединения. Китай обеспечивает крупнейшую долю совокупного ВВП БРИКС, формирует значительный объем внешней торговли блока и обладает наиболее масштабными валютными резервами. Это создает объективный дисбаланс при формировании коллективной финансовой стратегии. Экономическая мощь Китая является одновременно ресурсом и фактором осторожности для других участников, стремящихся сохранить автономность национальной политики. Индия демонстрирует высокие темпы роста и претендует на самостоятельную роль в мировой экономике, что иногда проявляется в более сдержанной позиции по вопросам институциональной интеграции. Россия, находясь под санкционным давлением, заинтересована в ускоренной финансовой автономизации, тогда как Бразилия и Южная Африка традиционно ориентированы на поддержание баланса между западными и незападными экономическими центрами.

Внутренние различия проявляются и в вопросе глубины валютной координации. Несмотря на расширение расчетов в национальных валютах, участники блока не демонстрируют единой позиции относительно создания общей расчетной единицы или наднационального платежного инструмента. Экономические структуры стран существенно различаются по уровню инфляции, стабильности финансовых рынков и степени открытости капитала. В этих условиях слишком быстрая институционализация валютной интеграции могла бы усилить макроэкономические риски. Поэтому текущая стратегия строится на постепенном расширении двусторонних механизмов без перехода к жесткой унификации.

Дополнительным фактором выступает различная степень вовлеченности стран БРИКС в западные финансовые рынки. Несмотря на политическую риторику многополярности, большинство государств блока сохраняют значительные объемы торговли и инвестиций с Европейским союзом и Соединенными Штатами. Это объективно ограничивает возможность резкого институционального разрыва с существующей архитектурой и обуславливает более эволюционный характер трансформации [2, с. 14].

Тем не менее в период 2020–2025 гг. влияние БРИКС на глобальную дискуссию о реформировании международных институтов заметно усилилось. В официальных документах объединения последовательно подчеркивается необходимость пересмотра квот МВФ, демократизации процедур принятия решений и усиления роли развивающихся стран в формировании глобальной финансовой повестки. Расширение блока в 2024 г. усилило аргумент о репрезентативности объединения: БРИКС+ охватывает значительную часть мирового населения, энергетических ресурсов и товарных потоков, что позволяет ему выступать в качестве консолидированного представителя интересов Глобального Юга.

Влияние блока проявляется не только через создание альтернативных институтов, но и через формирование координированных позиций на площадках G20, МВФ и Всемирного банка. Даже при отсутствии формальных изменений в распределении квот усиление согласованной позиции стран с формирующимися рынками повышает переговорную силу объединения. В условиях геоэкономической

турбулентности развитые экономики также заинтересованы в сохранении функционирующей многосторонней системы, что создает пространство для постепенного компромисса.

Перспективы до 2030 г. во многом будут зависеть от трех факторов. Во-первых, от способности БРИКС углублять институциональную координацию без утраты гибкости, которая является одним из ключевых преимуществ объединения. Во-вторых, от динамики глобального экономического роста и сохранения опережающих темпов развития стран блока. В-третьих, от степени дальнейшей фрагментации мировой финансовой системы. Чем выше уровень санкционного и торгового давления, тем быстрее будет усиливаться запрос на альтернативные механизмы.

Таким образом, в 2020–2025 гг. БРИКС перешел от этапа символического позиционирования к стадии структурной институционализации альтернатив. При этом стратегия объединения не сводится к конфронтации с существующими институтами. Она сочетает давление на реформу изнутри с постепенным созданием параллельных механизмов, формируя модель финансовой многополярности. Эффективность этой стратегии определяется не столько объемами кредитования или масштабом валютных операций, сколько способностью блока закрепить за собой статус одного из ключевых центров глобального экономического управления.

Практическим воплощением этой стратегии по формированию финансовой многополярности и одним из ее ключевых направлений стал процесс дедолларизации. Стремление снизить зависимость от долларовой инфраструктуры и политически мотивированных ограничений стимулировало страны БРИКС к активному переходу на расчеты в национальных валютах и созданию автономных платежных систем.

Период 2020–2025 гг. стал этапом ускоренной трансформации мировой валютной системы. Усиление санкционных механизмов, блокировка резервов отдельных государств, рост геополитической напряженности и активизация протекционистской политики привели к переоценке роли доллара США в международных расчетах. Для стран БРИКС этот период ознаменовался переходом

от декларативных заявлений о необходимости диверсификации валютной структуры к практическому расширению расчетов в национальных валютах и формированию элементов автономной финансовой инфраструктуры.

Несмотря на сохраняющееся доминирование доллара в глобальной финансовой системе, его относительная доля постепенно сокращается. По данным *IMF COFER*, доля доллара в мировых валютных резервах снизилась с 59 % в 2020 г. до приблизительно 58 % в 2022 г. и продолжила умеренное снижение в 2023–2024 гг., тогда как доля «прочих валют» постепенно увеличивается. Хотя изменения не носят революционного характера, сама тенденция отражает структурный сдвиг в сторону валютной диверсификации.

Для стран БРИКС проблема долларовой зависимости приобрела особую остроту после 2022 г., когда заморозка части российских международных резервов продемонстрировала возможность политической блокировки суверенных активов. Этот прецедент усилил дискуссию о рисках концентрации резервов и расчетов в юрисдикции одной страны. В результате вопросы валютной автономии из сферы стратегических обсуждений перешли в практическую плоскость [4, с. 303].

В 2020–2025 гг. заметно выросла доля расчетов в национальных валютах во взаимной торговле стран БРИКС. Наиболее выраженная динамика наблюдалась в российско-китайских расчетах, где к 2024 г. доля рубля и юаня в двусторонней торговле превысила 90 %. Китай и Бразилия в 2023 г. заключили соглашения о прямых расчетах в юанях и реалах, что позволило сократить транзакционные издержки и снизить валютные риски. Индия расширила использование рупии в торговле с рядом партнеров, включая механизмы специальных счетов для международных операций. Южная Африка и ОАЭ активизировали расчеты в национальных валютах в энергетическом секторе.

Рост использования национальных валют объясняется не только политическими мотивами, но и экономическими расчетами. Колебания процентных ставок Федеральной резервной системы США в 2022–2023 гг. усилили волатильность глобальных потоков капитала, что повысило стоимость долларового финансирования для развивающихся стран. В этих условиях переход на

национальные валюты в торговых расчетах снижает зависимость от внешней монетарной политики и уменьшает курсовые риски.

Одновременно происходит расширение институциональных механизмов, поддерживающих такие расчеты. Центральные банки стран БРИКС активизировали заключение двусторонних соглашений о валютных свопах. Китай продолжает расширять сеть своп-линий Народного банка Китая, юань укрепляет позиции в региональной торговле, а его доля в международных платежах по данным *SWIFT* в 2023–2024 гг. превысила 3 %, что, хотя и значительно уступает доллару и евро, отражает устойчивый рост.

Важным элементом формирования автономной инфраструктуры является развитие национальных платежных систем и механизмов их взаимодействия. Китайская система *CIPS* обеспечивает международные расчеты в юанях, российская СПФС была расширена для взаимодействия с зарубежными банками, Индия развивает собственные цифровые платежные платформы и продвигает их трансграничное использование. Параллельно обсуждается интеграция этих систем для минимизации зависимости от инфраструктуры *SWIFT*. Несмотря на то что масштабы такого взаимодействия пока ограничены, сам факт формирования альтернативной архитектуры свидетельствует о постепенной институционализации многополярной финансовой модели [14].

Особый интерес вызывает дискуссия о возможности создания единой расчетной единицы БРИКС. В 2023–2024 гг. обсуждались варианты как общей клиринговой единицы, так и цифрового расчетного инструмента, обеспеченного корзиной национальных валют или товарных активов. Однако к 2025 г. консенсус относительно полноценной наднациональной валюты отсутствует. Причины связаны с различиями в макроэкономической политике, уровне инфляции, структуре финансовых рынков и степени открытости капитала. Более реалистичным направлением на текущем этапе выступает развитие механизмов клиринга и цифровых платформ без перехода к единой денежной единице.

Следует отметить, что дедолларизация в контексте БРИКС не означает полного отказа от доллара как резервной валюты. Речь идет о снижении

структурной зависимости и создании альтернативных каналов расчетов, способных функционировать в условиях политических ограничений. Экономическая целесообразность подобных шагов определяется масштабом взаимной торговли и уровнем финансовой интеграции внутри блока.

Таким образом, в 2020–2025 гг. дедолларизация в рамках БРИКС приобрела системный характер. Ее развитие обусловлено совокупностью факторов: санкционными рисками, волатильностью глобальной финансовой системы, ростом экономического веса стран блока и стремлением к повышению финансового суверенитета. Формирование автономной платежной инфраструктуры и расширение расчетов в национальных валютах становятся не столько политическим лозунгом, сколько инструментом адаптации к новой геоэкономической реальности.

Процесс дедолларизации в рамках БРИКС не сводится исключительно к увеличению доли национальных валют во взаимной торговле. Его сущность заключается в формировании параллельной финансовой инфраструктуры, способной обеспечить устойчивость расчетов вне зависимости от состояния западных финансовых каналов и политической конъюнктуры. В этом контексте особое значение приобретает не только экономическая, но и правовая координация внутри объединения.

На институциональном уровне усиливается согласование позиций государств БРИКС по вопросам трансформации международного правового порядка. В материалах IX Юридического форума стран БРИКС подчеркивается, что объединение рассматривает право как инструмент обеспечения справедливого многополярного миропорядка. В частности, в приветственном адресе отмечается необходимость формирования демократического многополярного миропорядка, основывающегося на чётких и обязательных для всех правовых нормах.

Данная формулировка отражает более широкий подход БРИКС к реформированию глобальной системы – финансовая автономия рассматривается как часть общей трансформации норм международного регулирования.

Аналогичная позиция прослеживается в материалах XXII Международных Лихачевских научных чтений, где подчеркивается, что БРИКС «обеспечивает

эффективную совместную работу государств-участников во многих сферах на основе принципов равноправия, уважения и взаимного учета интересов». В контексте валютной политики это означает отказ от одностороннего навязывания расчетной инфраструктуры и стремление к институциональному плюрализму [8, с. 149].

Финансовая инфраструктура БРИКС развивается по нескольким направлениям, образуя многоуровневую систему.

Ниже представлена институциональная конфигурация альтернативной системы международных расчётов:

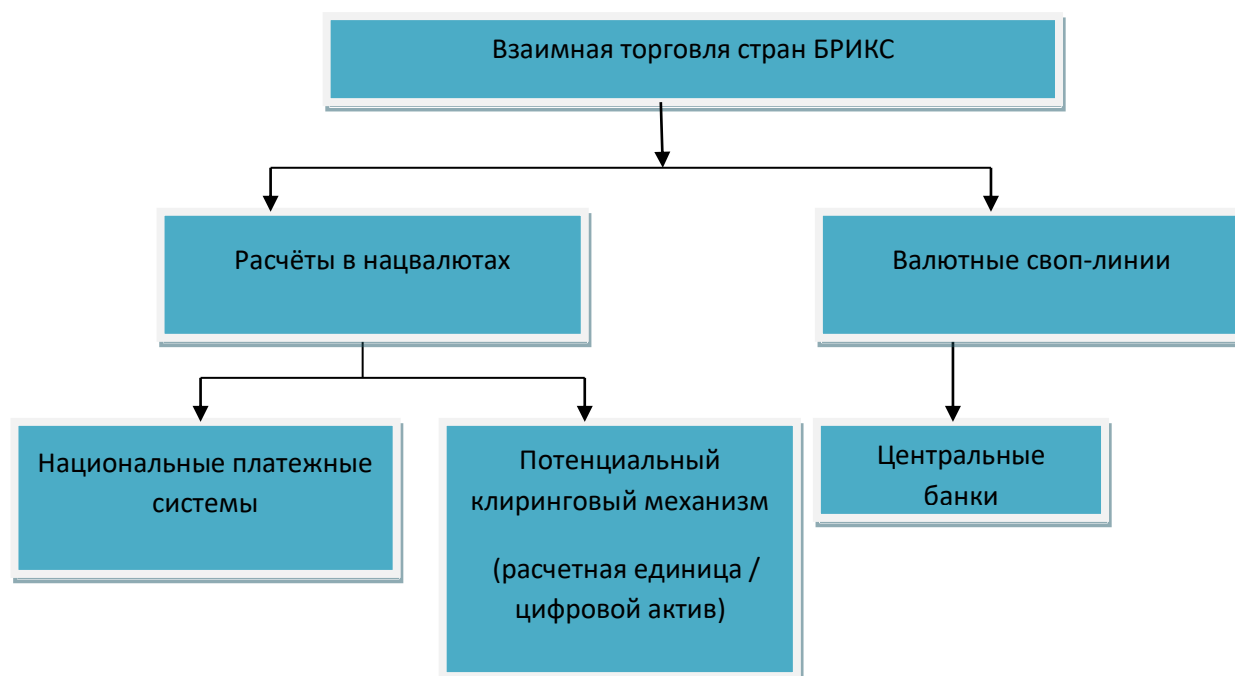

Рисунок 1 – Модель функционирования альтернативной расчётной инфраструктуры

Данная модель демонстрирует, что дедолларизация в рамках БРИКС носит не декларативный, а инфраструктурный характер. Развитие национальных платежных систем и их техническая сопряженность позволяют минимизировать зависимость от *SWIFT*. При этом формирование клиринговых механизмов снижает потребность в конвертации через доллар как промежуточную валюту.

Следует подчеркнуть, что обсуждение единой валюты БРИКС в экспертном пространстве носит преимущественно концептуальный характер. В опубликованных

материалах, посвященных роли БРИКС в формировании полицентричного миропорядка, отмечается, что объединение выступает «платформой для создания альтернативных финансовых механизмов», однако речь идет именно о механизмах, а не о немедленном создании наднациональной денежной единицы.

Экономические ограничения здесь объективны. Страны БРИКС существенно различаются по:

- уровню инфляции;
- глубине финансовых рынков;
- структуре государственного долга;
- режиму валютного регулирования.

Создание полноценной валюты требует унификации монетарной политики, фискальной координации и наличия наднационального эмиссионного центра, что в текущих условиях противоречит принципу сохранения экономического суверенитета участников. Именно поэтому на практике акцент делается на развитии расчетной инфраструктуры, а не на валютной интеграции в классическом смысле.

Одновременно формируется идеологическая и концептуальная база многополярной финансовой системы. В экспертных дискуссиях БРИКС последовательно подчеркивается необходимость расширения участия стран Глобального Юга в формировании правил международных расчетов. Такой подход отражает стремление перераспределить не только экономические потоки, но и нормативную власть в мировой финансовой системе.

Таким образом, развитие финансовой инфраструктуры БРИКС представляет собой комплексный процесс, включающий:

- расширение расчетов в национальных валютах;
- техническую интеграцию платежных систем;
- формирование резервных и клиринговых механизмов;
- выработку общей правовой позиции по вопросам глобального финансового управления.

Дедолларизация в этом контексте выступает не как отказ от доллара как такового, а как снижение структурной зависимости от единственного центра

эмиссии и расчетной инфраструктуры. Стратегическая цель заключается в создании условий, при которых финансовые потоки внутри объединения могут функционировать автономно и устойчиво.

Формирование альтернативной финансовой инфраструктуры в рамках БРИКС неизбежно сопряжено с целым рядом структурных ограничений и макроэкономических рисков. Дедолларизация, как процесс постепенного сокращения зависимости от американской валюты в расчетах, резервах и кредитовании, не является линейным или однозначным явлением. Она развивается в сложном переплетении экономической рациональности, политических факторов и институциональных возможностей.

Прежде всего необходимо учитывать масштаб существующей долларовой системы. Доллар продолжает доминировать в мировой торговле, международном долговом финансировании и валютных резервах. Существенная часть внешнего долга развивающихся стран номинирована именно в долларах, что ограничивает возможность быстрого перехода к альтернативным расчетным механизмам. Даже при расширении доли национальных валют во взаимной торговле стран БРИКС сохраняется зависимость от долларовой ликвидности в операциях с третьими государствами, а также на глобальных товарных рынках, где ценовые ориентиры традиционно выражены в долларах США.

Внутренние экономические различия стран БРИКС также оказывают сдерживающее влияние на темпы валютной трансформации. Китай обладает значительными валютными резервами и устойчивым платежным балансом, в то время как отдельные участники объединения сталкиваются с более высокой инфляцией, колебаниями национальных валют и дефицитом капитала. Эти различия затрудняют выработку единой валютной стратегии и требуют сохранения гибкости в принятии решений. Страны стремятся к диверсификации расчетов, но одновременно не готовы к созданию наднационального эмиссионного центра, который мог бы ограничить их монетарный суверенитет [22, с. 246].

Дополнительным фактором риска выступает возможная фрагментация мировой финансовой системы. Расширение альтернативных платежных каналов и

снижение роли доллара в отдельных сегментах расчетов объективно ведет к формированию параллельных инфраструктур. Это может повысить устойчивость отдельных регионов, но одновременно усложнить глобальную координацию, увеличить транзакционные издержки и снизить прозрачность финансовых потоков. В условиях отсутствия единых стандартов возникает вероятность нормативного расхождения между различными блоками мировой экономики.

Следует также учитывать, что дедолларизация не тождественна девалоризации роли доллара. Речь идет о постепенном перераспределении функций, а не о резком вытеснении американской валюты. Даже при расширении использования национальных валют внутри БРИКС доллар остается ключевой резервной единицей и инструментом международного кредитования. Более реалистичным сценарием представляется формирование многоуровневой валютной системы, в которой доллар сохраняет значительное, но уже не монопольное положение.

Перспективы дальнейшей трансформации во многом будут зависеть от способности БРИКС институционально закрепить достигнутые результаты. Развитие клиринговых механизмов, расширение сети валютных свопов, интеграция платежных платформ и цифровизация расчетов способны создать устойчивую основу для углубления финансовой автономии. Особое значение приобретает развитие цифровых валют центральных банков, которые могут обеспечить более быстрые и защищенные трансграничные операции без участия традиционных западных посредников.

В долгосрочной перспективе возможно формирование расчетной единицы, основанной на корзине национальных валют или товарных индикаторах, однако подобный проект потребует высокой степени доверия и координации между участниками. На данном этапе БРИКС демонстрирует осторожный и эволюционный подход, при котором институциональное развитие опережает политические декларации.

Таким образом, дедолларизация в рамках БРИКС представляет собой не революционный, а структурный процесс перераспределения валютных функций.

Его стратегическая направленность заключается в снижении уязвимости перед внешними ограничениями и в создании более сбалансированной международной финансовой системы. Итогом может стать формирование полицентричной валютной архитектуры, где несколько крупных экономических центров будут сосуществовать в режиме конкурентного и одновременно кооперативного взаимодействия.

Глава 3 Влияние БРИКС на внутренние рынки стран-участниц

3.1 Эффекты участия в БРИКС для структурной диверсификации национальных экономик

В период 2020–2026 гг. участие стран в формате БРИКС сопровождалось трансформацией внутренних экономических структур, выражающейся в диверсификации внешней торговли, перераспределении инвестиционных потоков, усилении технологической кооперации и расширении использования национальных валют. При этом характер и глубина изменений различались в зависимости от экономической модели и уровня развития каждой страны.

Сравнительная динамика ВВП стран БРИКС (по ППС) демонстрирует устойчивое превышение среднегодовых темпов роста над показателями стран G7 в постпандемический период (таблица 10).

Таблица 10 – Среднегодовой рост ВВП стран БРИКС, 2020–2026 гг., % [52]

Страна	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	Среднее
Китай	2,2	8,4	3,0	5,2	4,8	4,6	4,5	~4,7
Индия	– 6,6	9,1	7,2	6,5	6,2	6,0	6,1	~5,8
Россия	– 2,7	4,7	– 2,1	3,6	2,9	3,2	3,0	~1,8
Бразилия	– 3,3	4,8	2,9	2,8	2,5	2,7	2,6	~2,1
ЮАР	– 6,4	4,9	1,9	1,5	1,8	2,0	2,1	~1,1

Несмотря на кризисные колебания 2020–2022 гг., страны БРИКС демонстрируют восстановительную устойчивость. Наиболее выраженный структурный рост зафиксирован в Индии и Китае, что обусловлено расширением внутреннего спроса, цифровизацией экономики и промышленной модернизацией [52, с. 67].

Одним из ключевых эффектов участия в БРИКС стало перераспределение торговых потоков. Доля взаимной торговли внутри блока увеличилась, особенно после 2022 г., что связано с санкционной перестройкой логистики и переориентацией рынков.

Таблица 11 – Доля торговли со странами БРИКС в общем внешнеторговом обороте, % [52]

Страна	2020	2023	2026
Россия	18 %	32 %	38–40 %
Китай	17 %	22 %	25 %
Индия	15 %	21 %	24 %
Бразилия	14 %	19 %	22 %
ЮАР	21 %	28 %	31 %

Для России рост доли торговли с БРИКС стал структурным сдвигом, повлекшим изменение логистических маршрутов, развитие портовой инфраструктуры и формирование новых производственных цепочек.

Для Бразилии и ЮАР расширение торговли сопровождалось увеличением экспорта агропромышленной продукции и сырья в азиатском направлении, что стимулировало модернизацию агросектора.

Участие в Новом банке развития стало дополнительным источником финансирования инфраструктурных проектов. В 2020–2026 гг. проекты НБР в странах БРИКС были направлены преимущественно на:

- транспортную модернизацию;
- энергетический переход;
- цифровую инфраструктуру;
- развитие городской среды.

Инфраструктурный мультипликатор можно выразить формулой:

$$\Delta Y = k \cdot \Delta I$$

где:

ΔY – прирост ВВП,

ΔI – инвестиции,

k – инвестиционный мультипликатор (для стран БРИКС в среднем 1,6–2,1).

Рисунок 2 – Структура проектов НБР по секторам
(накопленным итогом к 2026 г.), % [52]

Это означает, что вложения НБР и сопутствующие частные инвестиции генерировали дополнительный внутренний спрос и стимулировали смежные отрасли.

В 2020–2026 гг. усилилась кооперация в:

- фармацевтике;
- ИТ-секторе;
- телекоммуникациях;
- энергетическом машиностроении;
- космических технологиях.

Особенно заметен рост доли высокотехнологичного экспорта Китая и Индии, а также увеличение вложений России в импортозамещение и локализацию производства [48, с. 226]. Данные по доле экспорта высокотехнологичной продукции представлены в таблице 12.

Рост показателей свидетельствует о постепенном смещении экономических моделей от сырьевой специализации к более диверсифицированной структуре.

Расширение расчетов в национальных валютах в 2022–2026 гг. стало одним из наиболее заметных финансовых сдвигов внутри стран БРИКС, оказавших прямое влияние на структуру банковских операций, валютных резервов и механизмов

внешнеэкономического финансирования. Если до начала 2020-х гг. доллар США сохранял доминирующее положение в расчетах по внешнеторговым контрактам большинства стран блока, то в условиях санкционной трансформации международной финансовой системы и роста геополитических рисков произошёл ускоренный переход к диверсифицированной валютной модели.

Таблица 12 – Доля высокотехнологичной продукции в экспорте, % [48]

Страна	2020 г.	2026 г.
Китай	29 %	34 %
Индия	12 %	18 %
Россия	10 %	15 %
Бразилия	8 %	11 %
ЮАР	6 %	9 %

Наиболее выраженные изменения зафиксированы в России, где доля недолларовых операций во внешней торговле к 2025 г. превысила 75 %, а в расчетах с ключевыми партнерами по БРИКС – приблизилась к 90 %. Подобная перестройка сопровождалась не только изменением валюты контрактации, но и структурной трансформацией банковского сектора: увеличением объема корреспондентских счетов в юанях, рупиях и дирхамах, развитием альтернативных систем передачи финансовых сообщений, а также расширением инструментов валютного свопирования между центральными банками.

Китай в рассматриваемый период последовательно усиливал международное использование юаня, расширяя сеть клиринговых центров и двусторонних соглашений о валютных свопах. Доля юаня в трансграничных расчетах стран Азии и Ближнего Востока демонстрировала устойчивый рост, что позволило Китаю частично снизить зависимость от долларовой ликвидности при финансировании внешнеторговых операций. Параллельно Индия активизировала продвижение расчетов в рупиях в региональной торговле, создавая специальные счета для иностранных банков и стимулируя использование национальной валюты в энергетических контрактах [43, с. 170].

Данные процессы привели к постепенному изменению структуры международных резервов и активов банковского сектора стран БРИКС. Если ранее значительная часть резервов концентрировалась в долларовых инструментах, то в 2023–2026 гг. наблюдалась тенденция к увеличению доли золота, юаня и иных альтернативных активов. Это не означало отказа от доллара как глобальной расчетной единицы, однако формировало более диверсифицированную модель управления рисками.

В макроэкономическом измерении переход к расчетам в национальных валютах сопровождался снижением транзакционных издержек во взаимной торговле, уменьшением валютных рисков, связанных с колебаниями курса доллара, а также повышением устойчивости к внешним финансовым ограничениям. В условиях ужесточения денежно-кредитной политики Федеральной резервной системы США в 2022–2023 гг. страны БРИКС получили возможность частично изолировать внутренние рынки от резких колебаний стоимости долларового фондирования [26, с. 140].

Дополнительным следствием стала трансформация роли государственных банков развития и экспортно-кредитных агентств. В условиях ограниченного доступа к западным рынкам капитала именно национальные финансовые институты стали ключевыми каналами перераспределения ресурсов и поддержки стратегических отраслей. Расширение их функций сопровождалось увеличением объемов льготного кредитования инфраструктурных проектов, поддержкой импортозамещающих производств и финансированием технологической модернизации.

Таким образом, валютная диверсификация в рамках БРИКС выступила не изолированным финансовым феноменом, а элементом более широкой структурной перестройки внутренних рынков. Снижение зависимости от долларовой ликвидности, расширение использования национальных финансовых инструментов и усиление роли государственных банков развития способствовали формированию более автономной модели макрофинансового регулирования. При этом степень глубины преобразований различалась: для России и Китая изменения носили

системный характер, тогда как для Бразилии, Индии и Южной Африки процесс протекал более постепенно и сохранял значительную связку с традиционной доллароцентричной инфраструктурой.

Проведённый количественный анализ позволяет сделать промежуточный вывод о том, что участие в БРИКС в 2020–2026 гг. сопровождалось не только ростом внутриблоковой торговли и перераспределением инвестиционных потоков, но и заметной модернизацией инфраструктурной базы, усилением технологической кооперации и постепенной валютной диверсификацией. Вместе с тем глубина структурных изменений существенно различается между странами объединения и во многом определяется качеством национальных институтов, уровнем финансовой устойчивости, масштабом внутреннего рынка и степенью интеграции в глобальные производственные цепочки. Именно эти различия будут определять траекторию дальнейших трансформаций внутренних экономик стран БРИКС в среднесрочной перспективе.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что участие в БРИКС не формирует классическую интеграционную среду с единым рынком или унифицированной регуляторной системой. Влияние объединения носит опосредованный, институционально–сетевой характер. Оно проявляется через создание альтернативных каналов финансирования, координацию макроэкономических позиций, формирование новых торговых маршрутов и снижение зависимости от внешних центров регулирования. Следовательно, структурные преобразования внутренних рынков следует рассматривать как результат сочетания внешнего давления глобальной среды и появления дополнительных возможностей, открываемых форматом БРИКС [8, с. 149].

Для России участие в объединении в 2022–2026 гг. стало фактором ускоренной перестройки экспортно-импортной структуры и внутренней промышленной политики. В условиях ограниченного доступа к западным рынкам капитала и технологиям акцент сместился на расширение производственной кооперации с Китаем и Индией, развитие транспортных коридоров «Север–Юг» и восточного направления логистики, а также на углубление локализации

производства. Внутренний рынок в этих условиях стал выполнять функцию стабилизационного якоря, а государственные инвестиции – роль компенсирующего механизма. Это усилило элементы государственного капитализма и стратегического планирования, одновременно стимулируя развитие отдельных отраслей машиностроения, фармацевтики и цифровых сервисов.

Китай использовал формат БРИКС как дополнительную площадку для расширения внешнего спроса на собственную промышленную и технологическую продукцию. При этом для китайской экономики участие в блоке не стало инструментом кризисной адаптации, а скорее элементом стратегии постепенной интернационализации юаня и диверсификации экспортных направлений. Внутренние структурные преобразования Китая в 2020–2026 гг. были связаны с переходом к модели «двойной циркуляции», предполагающей усиление внутреннего потребления при сохранении внешней экспансии. БРИКС в данном контексте выполняет функцию одного из каналов внешней циркуляции, позволяя частично компенсировать замедление спроса на развитых рынках.

Индия, демонстрирующая наиболее высокие темпы роста среди стран объединения, использует формат БРИКС преимущественно как механизм расширения инвестиционных возможностей и технологического сотрудничества. Для индийской экономики ключевым эффектом стало привлечение инфраструктурного финансирования и расширение доступа к энергетическим ресурсам на более гибких условиях. Вместе с тем внутренняя модель развития Индии остается ориентированной на сохранение стратегической автономии и баланс между различными центрами силы, что ограничивает глубину ее институциональной привязки к блоку.

Бразилия и Южная Африка, в свою очередь, рассматривают участие в БРИКС как способ диверсификации внешнеэкономических связей и укрепления переговорных позиций на глобальном уровне. Для них структурные эффекты проявляются преимущественно в аграрном секторе, добывающей промышленности и инфраструктурных проектах. Однако зависимость от глобальных сырьевых

рынков сохраняется, что сдерживает темпы индустриальной диверсификации [14, с. 138].

Сравнительный анализ показывает, что глубина трансформации внутренних рынков напрямую связана с институциональной устойчивостью государств и способностью проводить активную промышленную политику. Там, где государство обладает достаточными финансовыми ресурсами и стратегическим планированием (Китай, частично Россия), участие в БРИКС усиливает уже существующие тенденции структурной модернизации. В экономиках с более ограниченными возможностями фискального маневра (ЮАР) эффекты носят более фрагментарный характер.

Важно отметить и институциональное измерение валютной диверсификации. Переход к расчетам в национальных валютах не только снижает валютные риски, но и формирует предпосылки для развития внутренних финансовых рынков, расширения инструментов хеджирования, роста ликвидности национальных облигационных сегментов. Однако этот процесс требует макроэкономической стабильности, низкой инфляции и доверия к национальным валютам. Без этих условий валютная автономизация может приводить к повышенной волатильности и дополнительным издержкам.

Отдельного внимания заслуживает вопрос технологической кооперации. Несмотря на декларируемые цели углубления сотрудничества в сфере инноваций, реальный технологический обмен внутри БРИКС остается асимметричным. Китай выступает главным поставщиком технологической продукции и оборудования, тогда как остальные страны в большей степени являются импортерами. Это создает риск формирования внутренней технологической зависимости внутри блока, если механизмы совместных исследований и локализации производства не будут институционально укреплены.

Таким образом, участие в БРИКС в 2020–2026 гг. не привело к унификации экономических моделей стран-участниц, но стало фактором усиления структурной адаптации к многополярной и более фрагментированной мировой экономике. Объединение выступает скорее катализатором изменений, чем их первопричиной.

Оно создает пространство для маневра, расширяет набор инструментов экономической политики и снижает уязвимость к внешним ограничениям, однако конечный результат зависит от внутреннего качества институтов, инвестиционного климата и способности государств к стратегическому управлению.

Следовательно, структурные преобразования внутренних рынков стран БРИКС носят неоднородный и асимметричный характер. В одних случаях наблюдается ускоренная модернизация и диверсификация, в других – преимущественно перераспределение внешнеторговых потоков без глубокой индустриальной перестройки. Именно эта дифференциация станет ключевым фактором дальнейшей эволюции объединения и определит, сможет ли БРИКС в среднесрочной перспективе трансформироваться из координационной платформы в более интегрированный экономический центр силы.

3.2 Влияние инвестиционного сотрудничества и технологического обмена на внутренние рынки

Инвестиционное сотрудничество и технологический обмен в рамках БРИКС оказывают влияние на внутренние рынки стран-участниц не напрямую через создание общего рынка, а через более сложный механизм: финансирование инфраструктуры, расширение производственных связей, локализацию технологий, развитие цифровых платформ и снижение зависимости от ограниченного круга внешних финансовых центров. В отличие от классических интеграционных объединений, БРИКС не устанавливает единых правил для национальных рынков, однако создает дополнительные каналы доступа к капиталу, технологиям и партнерским цепочкам.

Для внутренних рынков стран БРИКС значение инвестиционного сотрудничества особенно заметно в тех секторах, где национальная экономика сталкивается с ограничениями долгосрочного финансирования. Это транспортная инфраструктура, энергетика, водное хозяйство, городское развитие, цифровые сервисы, агропромышленный комплекс и промышленная модернизация. Именно эти

направления определяют не только экспортный потенциал, но и качество внутреннего спроса: чем лучше логистика, энергетическая обеспеченность и технологическая база, тем ниже издержки бизнеса и выше устойчивость потребительского рынка.

Ключевым институтом, через который инвестиционное сотрудничество БРИКС получает практическое выражение, является Новый банк развития. Его роль нельзя сводить только к выдаче кредитов. Банк формирует проектную культуру, задает требования к устойчивости инфраструктуры, поддерживает долгосрочные программы модернизации и постепенно расширяет использование национальных валют. По данным годового отчета НБР, к концу 2024 г. в портфеле банка находилось 105 проектов, а совокупный объем одобренного финансирования достиг 35,152 млрд долл. США [64]. Для сравнительно молодого института это не делает его аналогом Всемирного банка по масштабу, но показывает способность БРИКС создавать рабочий финансовый механизм. Инвестиционные каналы влияния БРИКС на внутренние рынки стран-участниц представлены в таблице 13.

Таблица 13 – Инвестиционные каналы влияния БРИКС на внутренние рынки стран-участниц [64]

Канал влияния	Содержание механизма	Эффект для внутреннего рынка
Инфраструктурное финансирование	Кредиты НБР и совместные проекты в транспорте, энергетике, водной и городской инфраструктуре	Снижение логистических и энергетических издержек, повышение связанности региональных рынков
Производственная кооперация	Размещение совместных производств, участие компаний в цепочках поставок, локализация компонентов	Рост загрузки промышленности, развитие смежных отраслей и занятости
Финансовая диверсификация	Расчеты в национальных валютах, своп-линии, альтернативные платежные каналы	Снижение валютных рисков и зависимости от долларовой инфраструктуры
Технологический обмен	Совместные исследования, цифровые платформы, передача инженерных решений и компетенций	Ускорение цифровизации, повышение производительности и технологической автономии
Расширение спроса	Доступ к рынкам стран БРИКС+ и рост взаимной торговли	Увеличение возможностей для экспорта и масштабирования бизнеса внутри стран-участниц

Таблица показывает, что инвестиционное сотрудничество БРИКС действует как связующее звено между внешнеэкономической кооперацией и внутренним развитием. Внутренний рынок получает эффект не только от притока капитала, но и от изменения условий хозяйственной деятельности. Например, транспортный проект сокращает время доставки, энергетический проект снижает риск дефицита мощности, цифровая платформа упрощает расчеты и доступ к услугам. Поэтому влияние БРИКС проявляется не в одном показателе, а в совокупности изменений, которые повышают устойчивость национальных рынков.

Динамика проектного портфеля НБР позволяет оценить, насколько быстро инвестиционный механизм БРИКС превращался из политической инициативы в рабочий источник финансирования (таблица 14). В 2020–2024 гг. объем одобренного финансирования увеличивался даже в условиях пандемии, роста процентных ставок и геополитической фрагментации. Это важно, поскольку именно в такие периоды развивающиеся экономики обычно испытывают нехватку длинных ресурсов и сталкиваются с удорожанием заимствований.

Таблица 14 – Динамика портфеля Нового банка развития, 2020–2024 гг. [64]

Год	Количество проектов в портфеле, ед.	Одобрённое финансирование, млрд долл. США	Темп прироста финансирования, %
2020	65	21,0	–
2021	80	27,0	28,6
2022	90	30,0	11,1
2023	94	31,0	3,3
2024	105	35,2	13,4

Рост портфеля НБР нельзя трактовать как равномерный: после активного расширения 2020–2021 гг. темпы прироста замедлились, что отражает влияние более дорогого капитала и осторожности заемщиков. Однако в 2024 г. динамика снова усилилась. Для внутренних рынков это означает сохранение инвестиционного канала в периоды, когда доступ к традиционным источникам финансирования становится менее устойчивым. Особенно значимым является то, что проекты НБР ориентированы не на краткосрочное потребление, а на инфраструктуру, которая

создает эффект в течение длительного периода. На рисунке 3 представлена динамика одобренного финансирования Нового банка развития.

Рисунок 3 – Динамика одобренного финансирования Нового банка развития,
2020–2024 гг. [64]

Представленная динамика показывает, что инвестиционный контур БРИКС развивается постепенно, без резких скачков, но с накопительным эффектом. Для национальных рынков такой тип финансирования важен тем, что он поддерживает проекты, которые не всегда интересны частному капиталу из-за долгого срока окупаемости. К ним относятся модернизация железнодорожной инфраструктуры, энергетические сети, водоснабжение, городская среда и цифровая инфраструктура. Внутренний рынок получает от таких проектов косвенный, но устойчивый результат: снижаются издержки бизнеса, повышается мобильность рабочей силы, увеличивается инвестиционная привлекательность регионов.

Влияние инвестиционного сотрудничества различается по странам. Для Китая БРИКС является не столько источником капитала, сколько каналом расширения технологических и инфраструктурных связей. Китайские компании получают возможности участвовать в проектах партнеров, закреплять стандарты оборудования и цифровых решений, а также расширять использование юаня во

внешних расчетах. Для Индии важен доступ к проектному финансированию и рынкам партнеров при сохранении самостоятельной промышленной политики. Для России БРИКС усиливает значение альтернативных финансовых и технологических каналов в условиях санкционных ограничений. Для Бразилии и ЮАР сотрудничество важно как источник инфраструктурного обновления и диверсификации внешнеэкономических связей. Для новых участников БРИКС+ дополнительную роль играет возможность включения в энергетические, логистические и инвестиционные цепочки блока.

Технологический обмен в рамках БРИКС воздействует на внутренние рынки через другой механизм. Если инвестиции создают материальную основу роста, то технологии меняют производительность и структуру спроса. Наиболее значимыми направлениями выступают цифровые платежи, искусственный интеллект, агротехнологии, фармацевтика, телекоммуникации, энергетическое оборудование и промышленная автоматизация. В этих сферах страны БРИКС имеют разные сильные стороны: Китай обладает масштабной промышленной и цифровой базой, Индия – компетенциями в IT и фармацевтике, Россия – научно-инженерными заделами в энергетике и отдельных промышленных технологиях, Бразилия – агробиотехнологическим потенциалом, ЮАР – опытом работы с африканскими рынками и сырьевыми цепочками. Основные направления технологического обмена БРИКС представлены в таблице 15.

Систематизация направлений показывает, что технологическое сотрудничество БРИКС имеет прикладной характер. Оно не ограничивается обменом декларациями о научном партнерстве, а связано с конкретными рыночными задачами: удешевить платежи, повысить урожайность, локализовать промышленное оборудование, обеспечить доступ к лекарствам, создать собственные цифровые сервисы. Для внутренних рынков это особенно важно, поскольку технологическая зависимость часто проявляется не в момент роста, а в период кризиса, когда поставки компонентов, программного обеспечения или финансовых сервисов могут быть ограничены.

Таблица 15 – Направления технологического обмена БРИКС и их рыночный эффект [49]

Направление технологического обмена	Страны с выраженными компетенциями	Возможный эффект для внутренних рынков
Цифровые платежи и финтех	Китай, Индия, Россия	Удешевление расчетов, развитие электронной коммерции, включение малого бизнеса в цифровую экономику
Агротехнологии и продовольственная безопасность	Бразилия, Китай, Индия	Рост урожайности, снижение зависимости от импортных решений, развитие переработки
Энергетические технологии	Россия, Китай, ОАЭ, Бразилия	Модернизация энергосистем, развитие низкоуглеродных проектов, повышение надежности поставок
Фармацевтика и биотехнологии	Индия, Китай, Бразилия	Расширение доступности лекарств, локализация производств, снижение импортной зависимости
Промышленная автоматизация и ИИ	Китай, Индия, Россия	Повышение производительности, развитие инженерных услуг и новых рабочих мест

Одним из наиболее заметных примеров влияния технологического обмена является развитие цифровых платежей. Индийский опыт массовых цифровых платежных платформ, китайская инфраструктура трансграничных расчетов, российская система передачи финансовых сообщений и национальные карточные решения создают основу для обсуждения сопряжения платежных систем. В практическом плане это может снизить транзакционные издержки для компаний, работающих с партнерами из стран БРИКС, и повысить устойчивость торговли к внешним ограничениям. Для малого и среднего бизнеса такой эффект особенно значим, поскольку именно он сильнее всего чувствует стоимость расчетов и валютные риски.

Другим направлением является аграрно-технологическое сотрудничество. Внутренние рынки стран БРИКС имеют высокую зависимость от продовольственной устойчивости, поскольку объединение включает государства с огромным населением и разными климатическими условиями. Обмен технологиями семеноводства, ирригации, хранения, переработки и цифрового мониторинга сельского хозяйства позволяет снижать потери, стабилизировать цены и развивать внутреннюю переработку. Это важно не только для экспорта, но и для внутреннего

потребления: продовольственная инфляция быстро отражается на уровне жизни населения и социальной стабильности.

В энергетике инвестиции и технологии действуют совместно. Расширение БРИКС за счет стран Ближнего Востока усилило ресурсный потенциал объединения, но само по себе наличие ресурсов не решает задачу устойчивости внутренних рынков. Необходимы сети, переработка, хранение, возобновляемая энергетика, энергоэффективность и гибкие расчетные механизмы. Поэтому технологический обмен в энергетике может проявляться в модернизации сетей, совместном производстве оборудования, развитии проектов по солнечной и ветровой энергетике, а также в цифровом управлении энергопотреблением. Для внутреннего рынка это означает повышение надежности поставок и снижение чувствительности к внешним ценовым шокам.

Инвестиционное сотрудничество БРИКС также влияет на рынок труда. Инфраструктурные проекты создают занятость в строительстве, транспорте, энергетике и инженерных услугах. Технологические проекты формируют спрос на специалистов в *IT*, анализе данных, промышленной автоматизации, биотехнологиях и управлении проектами. При этом возникает риск неравномерного распределения выгод: столицы и крупнейшие промышленные регионы получают эффект быстрее, чем периферийные территории. Поэтому для стран-участниц важно связывать проекты БРИКС с национальными программами регионального развития, иначе инвестиции могут усилить уже существующие различия внутри экономик.

Сдерживающими факторами остаются различия в стандартах, уровне защиты интеллектуальной собственности, доступе к данным, валютном регулировании и качестве деловой среды. Даже при политической готовности к сотрудничеству компании сталкиваются с практическими барьерами: разными техническими требованиями, сложными процедурами сертификации, языковыми и правовыми различиями. Эти ограничения не отменяют потенциал БРИКС, но показывают, что технологический обмен требует не только соглашений на уровне лидеров, но и постоянной работы регуляторов, банков, университетов и бизнеса.

В среднесрочной перспективе наиболее реалистичным направлением развития является не создание единого технологического пространства БРИКС, а формирование сети совместимых проектов и отраслевых платформ. Такая модель лучше соответствует природе объединения: она не требует унификации всех правил, но позволяет продвигать конкретные решения там, где интересы участников совпадают. Например, в финтехе возможно развитие сопряжения платежных систем, в агросекторе – обмен технологическими пакетами, в энергетике – совместное финансирование инфраструктуры, в промышленности – локализация отдельных производственных цепочек.

Для внутренних рынков стран-участниц эффект от инвестиционного и технологического сотрудничества можно оценивать по трем группам показателей. Первая группа связана с инфраструктурой: рост мощности, снижение времени доставки, повышение надежности коммунальных и транспортных систем. Вторая группа отражает производственные изменения: увеличение локализации, развитие смежных отраслей, рост занятости и производительности. Третья группа касается финансовой устойчивости: снижение валютных рисков, расширение расчетов в национальных валютах и доступ к долгосрочному финансированию. Чем больше проектов одновременно затрагивают эти группы, тем сильнее влияние БРИКС на национальный рынок.

Таким образом, инвестиционное сотрудничество и технологический обмен в рамках БРИКС не превращают внутренние рынки стран-участниц в единое экономическое пространство, но повышают их адаптивность и устойчивость. Главный эффект состоит в создании дополнительных источников капитала, технологий и партнерских связей, которые помогают национальным экономикам снижать зависимость от прежних центров финансирования и технологического контроля. В этом смысле БРИКС действует как механизм структурной поддержки внутренних рынков: он не заменяет национальную экономическую политику, но расширяет ее возможности и повышает пространство для самостоятельного развития.

Заключение

Проведенное исследование позволило рассмотреть БРИКС как форму экономического объединения нового типа, которая не укладывается полностью в классические модели региональной интеграции. Объединение не создает наднационального рынка и не требует унификации экономической политики, однако постепенно формирует устойчивую систему многостороннего взаимодействия. Его значение определяется не жесткостью институтов, а способностью согласовывать интересы стран с разными моделями развития и усиливать их коллективный вес в мировой экономике.

В первой главе была раскрыта теоретическая основа анализа БРИКС как центра экономической силы. Показано, что традиционные подходы к интеграции, основанные на последовательном движении к общему рынку и наднациональному регулированию, не полностью объясняют специфику данного формата. БРИКС развивается как гибкая координационная платформа, где ключевыми становятся принципы суверенного равенства, консенсуса, сетевого взаимодействия и прагматичного совпадения интересов. Эволюция объединения от инвестиционной концепции *BRIC* к расширенному формату БРИКС+ подтверждает, что его институциональная зрелость выражается не в копировании западных моделей, а в создании собственных механизмов сотрудничества.

Во второй главе было показано влияние БРИКС на глобальную экономику. В системе международной торговли и глобальных цепочек создания стоимости страны объединения занимают все более заметное место благодаря масштабу внутренних рынков, ресурсной базе, промышленному потенциалу и растущей роли в торговле Юг–Юг. При этом влияние БРИКС проявляется не только в объеме торговли, но и в постепенном изменении направлений товарных потоков, развитии новых логистических маршрутов и повышении значения национальных валют во взаимных расчетах.

Финансовое измерение БРИКС связано с критикой дисбалансов в МВФ, Всемирном банке и ВТО, а также с практическим развитием альтернативной

инфраструктуры. Новый банк развития, Пул условных валютных резервов, расширение расчетов в национальных валютах и обсуждение сопряжения платежных систем показывают, что объединение стремится не просто заявлять о необходимости реформ, а создавать рабочие инструменты финансовой многополярности. Эти механизмы пока уступают традиционным институтам по масштабу, но их значение состоит в появлении дополнительных каналов финансирования и снижении зависимости от одной валютно-финансовой архитектуры.

В третьей главе были рассмотрены эффекты взаимодействия в рамках БРИКС для внутренних рынков стран-участниц. Участие в объединении способствует структурной диверсификации экономик через расширение торговых связей, развитие инфраструктуры, укрепление энергетического и продовольственного сотрудничества, а также рост интереса к промышленной и технологической кооперации. При этом эффект распределяется неравномерно: страны с более развитой промышленной базой быстрее используют возможности БРИКС, тогда как менее диверсифицированные экономики нуждаются в дополнительных национальных механизмах поддержки.

Особое значение имеет инвестиционное сотрудничество и технологический обмен. Проекты Нового банка развития, совместные инфраструктурные инициативы, цифровые платежные решения, агротехнологии, энергетические и промышленные компетенции формируют для внутренних рынков долгосрочный эффект. Он проявляется в снижении издержек бизнеса, повышении устойчивости логистики и энергетики, локализации отдельных производств, расширении доступа к технологиям и созданию новых рабочих мест. БРИКС не заменяет национальную экономическую политику, но расширяет инструменты, которыми страны могут пользоваться для модернизации внутренних рынков.

В то же время исследование показало, что развитие БРИКС сталкивается с серьезными ограничениями. Среди них – различия в экономическом потенциале участников, конкуренция отдельных стран за лидерство, неодинаковая степень зависимости от западных рынков, различия в правовом регулировании и

технологических стандартах. Расширение формата усиливает геоэкономический вес объединения, но одновременно усложняет согласование решений. Поэтому дальнейшая эффективность БРИКС будет зависеть от способности сохранять баланс между гибкостью и институциональной устойчивостью.

Обобщая результаты, можно сделать вывод, что БРИКС уже выступает одним из важных центров формирующейся многополярной экономической системы. Его влияние на глобальную экономику выражается в изменении торговых и финансовых пропорций, а влияние на внутренние рынки участников – в создании дополнительных возможностей для инвестиций, технологического обмена и структурной модернизации. Перспективы объединения будут определяться тем, насколько успешно страны-участницы смогут превратить политическую координацию в устойчивые экономические проекты, дающие ощутимый результат для национальных экономик.

Список использованных источников

- 1 Абышов И. С., Асанбекова А. А., Касимова А. БРИКС как новая интеграционная группировка // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2023. № 31. С. 120–124.
- 2 Аласания К. Ю. Роль БРИКС в меняющемся миропорядке: ценностное, цивилизационное и геополитическое измерения // Духовно-нравственные ценности в геополитическом противостоянии XXI века: философско-политологические исследования. 2025. № 1. С. 11–18.
- 3 Аль-Шатеби С. А. А., Шибаева Н. А. Цифровая финансовая платформа БРИКС: новый этап сотрудничества России и Саудовской Аравии // Менеджмент в условиях цифровизации: теория и практика. 2025. № 1. С. 54–59.
- 4 Ануфриева Л. П. «БРИКС+» и «БРИКС-АУТРИЧ» (международно-правовое измерение) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2024. № 3. С. 300–305.
- 5 Асадов Б. Р., Гавриленко В. А., Немченко С. Б. Теория многостороннего взаимодействия государств на примере деятельности БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. 2021. № 20. С. 590–601.
- 6 Асон Т. А. От БРИКС к БРИКС+: новые участники и их выгоды // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2025. № 4. С. 285–289.
- 7 Брындин Е. Г. Формирование на площадке БРИКС + справедливого безопасного мирового порядка // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2024. № 5. С. 72–75.
- 8 Варшавская С. А., Бредихин А. В. Актуальные направления гуманитарного сотрудничества стран-участниц БРИКС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1. С. 147–152.
- 9 Гаврилюк Д. Д., Абгаджав Д. А., Дегтярев П. А. Перспективы расширения формата БРИКС в контексте интересов Российской Федерации // Национальные экономики в условиях глобальных и локальных трансформаций. 2024. № 8. С. 12–16.

10 Гамбарян Э. Г. Влияние крупных спортивных мероприятий на имидж городов стран БРИКС // Научные записки молодых исследователей. 2025. № 2. С. 63–70.

11 Гобозов В. Ф., Козлова Е. А. Гуманитарное сотрудничество в условиях расширения БРИКС: основные тенденции развития // Материалы Молодежной исследовательской мастерской. 2024. № 6. С. 98–107.

12 Громыко А. А. БРИКС - конкурентные преимущества и вызовы развития (к председательству России в БРИКС в 2024 году) // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. № 4. С. 13–19.

13 Дейкин А. В., Кузнецова В. Н., Кирикович Ю. К. ГМО регулирование: Белоруссия, БРИКС, ЕС, США // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 4. С. 141–145.

14 Дерюгина И. В., Акимов А. В., Алексахина С. Н. БРИКС в экономике и политике стран Азии и Африки. М.: Институт востоковедения РАН. 2025. 708 с.

15 Ергунова О. Т., Киселева Е. Г., Сомов А. Г. ИИ-технологии как инструмент сокращения технологического неравенства в странах БРИКС // Мировая экономика и бизнес-администрирование. 2025. №1. С. 84–86.

16 Инвестиционное развитие стран БРИКС. Новый банк развития БРИКС // Экономическое развитие стран БРИКС. М.: Спутник+. 2017. С. 39–46.

17 Каранатова Л. Г. Большое евразийское партнерство в свете перспектив глобального сотрудничества со странами БРИКС // Кыргызский экономический университет имени Мусы Рыскулбекова. 2024. № 1. С. 158–161.

18 Кондрашина П. В. Потенциал России в БРИКС // Развитие международного торгового потенциала России. 2016. № 1. С. 76–79.

19 Котько С. П. Перспективные направления двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества Республики Беларусь в статусе страны-партнёра с государствами БРИКС // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы. 2025. № 9. С. 74–79.

20 Кузьмина К. А. Расширение стран БРИКС: последствия для мирового рынка нефти // Альманах Крым. 2024. № 45. С. 161–168.

21 Курумчина А. Э. Международный потенциал российских НКО в сфере культурной дипломатии альянса БРИКС // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2024. № 2. С. 146–166.

22 Ларионова М. В., Медушевский Н. А., Рахмангулов М. Р. Возможности сотрудничества в БРИКС для формирования решений БРИКС и «двадцатки» по ключевым направлениям реформы международной финансово-экономической архитектуры в интересах России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2012. № 12. С. 199–238.

23 Лахно Ю. В. Анализ интеграции российского рынка ценных бумаг с рынками стран БРИКС // Финансы и кредит. 2014. № 33. С. 31–42.

24 Ли Ю. Перспективы БРИКС и будущее сотрудничество Китая и России в рамках БРИКС // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 4. С. 106–110.

25 Лю И., Ван И., Дин Ю. Потенциальные возможности расширения БРИКС // Тенденции развития современной науки в свете исследований молодых ученых. 2024. № 5. С. 44–46.

26 Макаров Е. И. Расширение международного объединения БРИКС в 2023–2024 годах, новые возможности и ограничения для профсоюзного форума БРИКС // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций. 2025. № 2. С. 137–140.

27 Матяшова Д. О. Системные риски с точки зрения БРИКС: приоритеты, причины приоритезации, угрозы // Страхование право. 2021. № 1. С. 30–33.

28 Мозиас П. М. Россия в сообществе стран БРИКС: выбор приоритетов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2023. № 2. С. 37–66.

29 Моисеев В. И. Ассоциация медико-гуманитарного развития БРИКС (АМЕГРА БРИКС): рождение и первые шаги // Биоэтика. 2023. № 2. С. 57–58.

30 Мытыев М. Ч., Мамбеталиева Ж. Н. Страны БРИКС в современном мире // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2023. № 2. С. 153–157.

31 Нарбут К. А. Председательство России в БРИКС в 2024 году: итоги и перспективы // Закон и власть. 2025. № 4. С. 26–30.

32 Немирович О. В. Субъектность студента-международника как условие обучения в сетевом университете стран БРИКС // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе. 2016. № 4. С. 309–315.

33 Нурдинова К. Х., Кенжебаева А. Роль БРИКС и Группы 77 в укреплении позиций Глобального Юга в мировой политике // Известия Ошского технологического университета. 2025. № 2. С. 132–143.

34 Нуриддинов Р. Ш. Позиция Китайской Народной Республики в вопросах расширения и укрепления БРИКС // Вестник Таджикского национального университета. 2024. № 3. С. 277–284.

35 Пахомов А. А. БРИКС набирает вес. Страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 4. С. 16–23.

36 Перминов В. А. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий стран БРИКС // Научный форум: Экономика и менеджмент. 2018. № 8. С. 22–27.

37 Премудрова М. А., Хоменко Е. Б. Финансовые технологии в современном цифровом мире: перспективы развития цифровой финансовой инфраструктуры стран БРИКС // Умные технологии в современном мире. 2025. № 8. С. 291–297.

38 Рогинко С. А. Бразилия – 25: климатическая кампания БРИКС (к предстоящей встрече министров иностранных дел стран БРИКС) // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. № 2. С. 19–26.

39 Рожков Г. А., Юрчик А. С. Молодежная Сессия Форума стран БРИКС как возможность формирования позитивных социальных практик мировоззренческой направленности // Роль социальных практик в формировании мировоззрения. 2025. № 6. С. 341–347.

40 Рубан-Лазарева Н. В. Международные налоговые отношения России стран-участников БРИКС // Инновации и инвестиции. 2025. № 9. С. 120–122.

41 Саидов А. IX Юридический форум стран БРИКС // Демократизация и права человека. 2024. № 4. С. 130–136.

42 Самуйлова В. А., Зеленина А. А., Головин А. А. Мониторинг экстремистских и террористических вызовов для стран БРИКС // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия. 2024. № 6. С. 311–313.

43 Сапир Ж. Как БРИКС (и БРИКС+) могут ответить на требование изменения международных институтов и каковы могут быть последствия? // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций. 2025. № 7. С. 169–172.

44 Ситников Е. В., Вакуленко В. Ф., Гавриленко Н. И. Научно-технологическое сотрудничество стран – членов БРИКС, подходы к расширению содружества с учетом национальных и наднациональных интересов // Инновации. 2022. № 3. С. 3–11.

45 Соколова В. В. Взаимная интеграция стран-членов ЕАЭС, ШОС и БРИКС // Таможенные чтения. 2023. № 9. С. 121–124.

46 Тесленко А. В. Уголовно-правовое противодействие антиконкурентным соглашениям в странах БРИКС // Известия высших учебных заведений. 2023. № 3. С. 159–173.

47 Ткаченко А. А. О демографическом развитии стран БРИКС. Заметки с цивилизационного форума «Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС» // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 135–144.

48 Толмачев Ю. О. Вызовы для БРИКС в XXI веке и методы их урегулирования // Via in Tempore. История. Политология. 2025. № 1. С. 223–232.

49 Фейгин Г. Ф., Бобровникова Е. А., Афанасьева К. В. Перспективы региональной интеграции стран БРИКС+: сравнительный анализ БРИКС+ и Андского Сообщества наций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 7. С. 216–223.

50 Форостянный Н. С., Темкина А. М. БРИКС в условиях агрессии Коллективного Запада // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков. 2024. № 5. С. 75–79.

51 Фрейре М. Р. ЕС и БРИКС: стратегическое партнерство или структурное расхождение? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. № 3. С. 182–200.

52 Хорос В. Г. От БРИКС к БРИКС+: на пути к Новому миропорядку // Полицентричный мир. 2024. № 1. С. 64–76.

53 Яндиева М. И. Энергетическое сотрудничество России в рамках БРИКС // Экономическая дипломатия в современной системе международных отношений. 2023. № 8. С. 166–173.

54 Andal A. G. Hermeneutics of normativity among BRICS nations: an analysis of salient normativities in the BRICS Summit joint statements // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании. 3-й молодежный конвент. 2019. № 9. С. 446–450.

55 BRICS Brazil 2025. About the BRICS. URL: <https://brics.br/en/about-the-brics> (дата обращения: 15.05.2026).

56 Clauberg R. BRICS and the European Union: prospects for interaction in the 21st century // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2023. № 4. Р. 27–34.

57 Dhanya M. B. BRICS and the Gig Economy: A Focus on India's Platform Employment // Social & Labor Research. 2024. № 4. Р. 21–30.

58 Gurinovich D. F. BRICS+ national interests in the emerging multipolar world // Modern Science and Innovations. 2024. № 3. Р. 169–174.

59 International Monetary Fund. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER), 2025Q4. URL: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:COFER> (дата обращения: 15.05.2026).

60 Kuzmina T. I. Analysis of the dynamics of intra-bloc trade BRICS member countries // International Research Journal. 2024. № 9. Р. 1–5.

61 Leksyutina Y. V. BRICS: reform of global economic governance system // Public Administration and Civil Service. 2015. № 1. Р. 166–171.

62 Li X., Wen L., Aidarbayev S. BRICS Countries' De-Dollarization Strategy and Implementation // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. 2025. № 3. С. 250–263.

63 Mamedov T. N., Khomyakova L. I., Novitskaya A. A. On attracting foreign direct investment: an empirical analysis of investment cooperation between the EAEU and BRICS // *Voprosy Istorii*. 2022. № 12. P. 156–165.

64 New Development Bank. Annual Report 2024: Investing a Sustainable Future. URL: <https://www.ndb.int/annual-report/2024/overview/> (дата обращения: 15.05.2026).

65 Olkhovik V. V., Afanasev R. S., Juchnevicius E., Malofeeva T. N. Fiscal Mechanism for Stimulating Domestic Production in Some BRICS and European Countries // *Financial Journal*. 2023. № 6. P. 123–135.

66 Rudkouskaya V. G. BRICS and EAEU: Trends in Economic Cooperation // *Актуальные векторы белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества*. 2025. № 9. С. 144–149.

67 Samour A. Do Capital Adequacy Ratios of the Banking System Affect the Taxation Performance: Novel Evidence from BRICS Nations // *Journal of Tax Reform*. 2024. № 1. P. 122–133.